

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

1924 ГОД НАСЛЕДНИЦА

ВИКТОР ТЮРИН

Военная боевая фантастика

Виктор Тюрин

1924 год. Наследница

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Тюрин В. И.

1924 год. Наследница / В. И. Тюрин — «Издательство АСТ»,
2023 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-160100-3

Дав слово княгине оберегать Сашеньку, Александр отправляется с девочкой в Москву. Благополучно передав ее с рук на руки, он находит себе помощников из бывших царских офицеров, так как хочет проверить один исторический факт, о котором в свое время он узнал из интернета. Успешно завершив дело, Александр решает навестить девочку, как вдруг неожиданно узнает, что ее похитили. Он привык держать слово и доводить свои дела до конца, и никогда не стоит за ценой, когда надо расчистить дорогу к цели. Берегитесь, господа-товарищи, кто не спрятался, я не виноват!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-160100-3

© Тюрин В. И., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Виктор Иванович Тюрин

1924 год. Наследница

Факты и события того времени взяты из исторических источников и мемуаров, а персонажи и их приключения выдуманы автором.

© Виктор Тюрин, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*И носило меня, как осенний листок,
Я менял города, я менял имена...*

Евгений Агранович

– Господин подполковник? – раздался незнакомый мужской голос в телефонной трубке.
– Кто говорит? – насторожился Михал Каминский, начальник второго отдела Генерального штаба Войска Польского.

– Владислав Стойчев, секретарь господина Заварзина. Здравствуйте, господин подполковник.

– Здравствуйте, господин Стойчев. Вы очень хорошо говорите на польском языке.

– Я знаю шесть европейских языков, господин подполковник, – сухо проинформировал его собеседник, после чего перешел сразу к делу: – Вы получили четверть от оговоренной суммы?

«Заносчивый и деловой, как его хозяин! Жополиз, пся крев!»

– Да, банк меня уже известил. Вы что-то хотели узнать?

– Господин Заварзин желает знать, что на сегодня вам известно о его внучке?

– Извините, господин Стойчев, но мне пока нечего добавить к тому, что я уже сообщил ранее. Судя по последнему письму, которое получил мой агент, девочка уже едет и через несколько дней окажется в Москве. Стоит ей оказаться в столице, как мне тут же доложат, после чего сразу, не медля ни минуты, сообщу об этом господину Заварзину. К сказанному могу только добавить, что там все готово к приему девочки. Мои люди в Москве их с нетерпением ждут.

– Я сообщу обо всем этом господину Заварзину, господин подполковник. Всего хорошего.

– Всего хорошего, господин Стойчев.

Подполковник положил трубку на рычаги телефонного аппарата, автоматически пригладил усы, потом встал, одернул мундир и подошел к приоткрытому окну. Ночью прошел сильный дождь, оставив после себя лужи, в которых сейчас купались солнечные зайчики. Шли прохожие, перешагивая мелкие и обходя большие лужи, мягко шуршали шины автомобилей, звонко стучали копыта лошадей. Глядя на улицу, он не видел всего этого, уйдя с головой в свои мысли, снова прокручивая события, предшествующие этому звонку.

Начались они с разговора подполковника со своим банкиром Казимиром Ковальским, когда тот предложил переговорить с очень богатым человеком, выходцем из России, по поводу одного частного дела. Услышав в самом начале, что тот выходец из России, он сразу хотел отказаться от этого дела, но в последний момент передумал, а еще через час перезвонил по

данному ему номеру телефона. На первый взгляд дело казалось несложным: доставить внучку банкира со всем бережением из Москвы в Варшаву. Причем сумма, которую ему предложили за успешное завершение дела, была весьма приличная. Каминский, хотя он почти согласился, сказал, что подумает, а спустя сутки, все окончательно взвесив, позвонил и дал свое согласие. На первый взгляд ничего сложного не было, но подполковник за двадцать три года военной службы, из которых девять лет служил в контрразведке, знал, что любое задание не обходится без накладок. Вопрос заключался только в том, насколько они будут критичны.

Если бы не условие нанимателя, которое заключалось в том, чтобы обеспечить максимальную безопасность девочке, люди подполковника отвезли бы ее в Минск, а там через налаженные каналы связи переправили в Польшу. Вот только, согласно жестким требованиям безопасности, ему пришлось простой вариант отбросить и усложнить самому себе задачу, используя для этого своего агента из польского представительства в Москве.

Тот должен был сфабриковать фальшивые документы для девочки, после чего два других агента, женщина и мужчина, должны были сопровождать ее до Варшавы. В самой Москве для внучки Заварзина была снята для проживания квартира. Осталось только дожидаться приезда девочки.

Подполковник отвернулся от окна и возвратился к письменному столу. Сел, затем достал папку с делом на магната Заварзина, которую получил только вчера. Сведения были скудные, не имевшие, к большому сожалению подполковника, полной информации на главного фигуранта и его семью. Вчера он только пробежал глазами документы, не вникая в них, но при этом успел отметить, что в них очень мало реальных фактов.

Открыв папку, он начал внимательно все изучать.

«Так, что у нас тут. Василий Заварзин, отец моего клиента, умер за семь лет до большевистского переворота. Основной капитал сколотили на торговле зерном. Все последние двадцать лет, до падения Российской империи, их семейство входило в список ста самых богатых людей России. Зерно, текстиль, лес, торговля, недвижимость. Дальше. За ним, через год, умерла его жена. Остались два сына и дочь. Старший сын Заварзина, Михаил Васильевич, продолжил дело своего отца. Высоко купец взлетел, но как упал! Находясь по делам в Нижнем Новгороде, пропал во время переворота, а по некоторым слухам был забит до смерти собственными рабочими. Какая дикость! Ладно, что у нас дальше? Младший сын, Николай, с отличием окончил Парижский университет, где изучал банковское дело. Исходя из практичности и основательности русских купцов, думаю, что семейство Заварзиных собиралось основать в России свой собственный банк. Об этом говорит и то, что полтора года он проходил практику в Лондоне и Париже, параллельно ведя дела семьи за границей. Вернувшись в Россию, женился по любви на дворянке Кудриной, которая через шесть лет умерла, оставив ему сына Сергея. Спустя два года после смерти жены Николай забирает сына и уезжает в Европу, не собираясь больше возвращаться. Приехал только на похороны отца, а затем на похороны матери. Его сын Сергей бывал наездами в России, где неожиданно женился на Екатерине Мурзиной. В результате чего на свет появилась девочка. Александра Сергеевна Заварзина. Судя по тому, что Сергей не вернулся к отцу, а остался в России, именно этот брак послужил разрыву между сыном и отцом. Дальше – больше. Сергей Заварзин не только принял революцию, но и начал работать на большевиков, став каким-то начальником в наркомате торговли в Смоленске».

Подполковник перестал читать, поднял глаза и уставился в пространство.

«Не понимаю я русских, и все тут! Вот какого черта его понесло к большевикам? Пусть купцы, не дворяне, но вроде приличная семья, богатые люди. Так что этого молодого придурка привлекло в этой сумасшедшей идее красных комиссаров? Мировой коммунизм. Не понимаю, как можно принимать эту чепуху всерьез? Вот не понимаю и все! Ладно, читаем дальше.

В 1920 году Сергей Заварзин с женой одновременно заболели испанкой и умерли. Так, а куда делся их ребенок? Ладно. Об этом потом.

Сестра Николая, Елизавета Васильевна, в замужестве Морошкина. Ее муж, пьяница и мот, промотав наследство, окончательно спился и умер. Есть дети. Живет в пригороде Парижа, на пособие, которое ей выплачивает брат».

Подполковник достал последний лист, пробежал его глазами, потом снова прочитал, отмечая для себя те сведения, которые были там официально подтверждены.

«Александра Заварзина, десяти лет. Родилась в октябре 1914 года. До 1920 года жила с родителями, потом пропала и появилась через три года в Красноярске. О ней стало известно после того, как некая княгиня, находясь в ссылке в том же городе, отослала несколько писем своим знакомым в Москву и Санкт-Петербург, с просьбой найти ее деда Николая Васильевича. В этих письмах уже упоминается доверенный слуга семьи Заварзиных Лука Никитич Вробин. Письма датированы 1923 и 1924 годами».

Каминский положил лист в папку, а потом ее закрыл. Отложив папку в сторону, он открыл ящик письменного стола и достал еще один лист. Это была своего рода докладная записка, составленная по его просьбе банкиром Казимиром Ковальским, о состоянии банкира Заварзина. Он уже читал ее раньше, но теперь после просмотра дела семьи Заварзиных ему снова захотелось пробежать ее глазами.

«В 1910 году Заварзиным были куплены контрольные пакеты акций двух банков, в Париже и Лондоне. Удачно играл на бирже, сумев удвоить свой капитал. Торговал нефтью во время войны, купил несколько отелей. Только в одной Ницце у него отель и собственная вилла! После войны хорошо поднялся на торговле и строительстве. Основал сеть транспортных компаний. Ишь как развернулся, купчишка! Банки, торговля, строительство!»

Подполковник положил листок на папку.

«Как образно сказал мне Ковальский, Заварзин в европейском финансовом море сейчас довольно крупная акула. Если верить моему банкиру, состояние купчишки приближается к половине миллиарда долларов! Матка боска! Вот почему одним все, а другим ничего?!»

– Курва! Вонючий боров! Пся крев! – не сумев сдержать эмоций, уже вслух выругался подполковник.

Михаил Каминский, как и любой поляк, гордился своими предками, которые состояли из семи поколений шляхтичей с примесью королевской крови, и считал, что унижает себя, как офицер и шляхтич, работая на безродного русского купчишку. Конечно, он мог отказаться от этого предложения, но как тогда оплачивать капризы молодой любовницы, ювелирные украшения, рестораны и шикарные номера в отелях?

Глава 1

Стоило пассажирскому составу замереть у длинного перрона, как сразу закрутилась человеческая круговерть. Хлынувшие из вагонов пассажиры, нагруженные чемоданами и мешками, смешались с толпой, стоящей на перроне. Кроме встречающих здесь была масса всякого народа. Носильщики, воры, продавцы газет и папирос, военные патрули и наряды милиции. В одно мгновение голоса людей слились в невообразимую словесную кашу.

- Петька, как ты вымахал, чертяка!
- Эй, носильщик! Давай сюда!
- Ах ты, ворюга! Милиция!
- Ваши документы, гражданин!

Неторопливо ступив на перрон, я невольно стал участником всегда непонятной для меня человеческой суеты. Впрочем, в этом ничего удивительного не было, так как по жизни я был одиночкой. Несмотря на то, что в прежней жизни я не сидел на месте, частенько переезжая с места на место, встречали и провожали меня редко.

Окружающие меня люди толкались и обнимались, кричали и ругались. Бросив взгляды по сторонам, я первым делом убедился, что не привлек ненужного ко мне внимания, в чем была немалая заслуга специально подобранного мною костюма. Я постарался придать себе вид советского служащего, приехавшего в Москву, в командировку. Первым это отметил мальчишка-беспризорник, который с ходу мне предложил:

- Гражданин-товарищ, развлечься не желаете? Девочки на любой вкус!
- Кыш, оголец!

Следом, почти сразу, почувствовал на себе внимательный и цепкий взгляд молодого мужчины, который по-особому осматривал мой костюм, очевидно пытаясь понять, в каком кармане у этого лоха может лежать бумажник, но стоило нашим глазам встретиться, как я улыбнулся. Вор-карманник оказался парнем сообразительным и сразу исчез из поля моего зрения. Рядом с нами прошел патруль, цепко всматриваясь в лица прибывших пассажиров. Судя по их шарящим по толпе взглядам, они искали по приметам конкретного человека, поэтому на нашу компанию не обратили никакого внимания.

Французы не стали выходить, а остались ждать прибытия своего представителя в вагоне. Мы тепло с ними попрощались, еще когда только состав подходил к вокзалу, поэтому сейчас стояли на перроне вчетвером. Быстро распределив чемоданы между носильщиками, я обратился к своим попугайкам:

- Идите к пролеткам. Я туда скоро подойду, только сдам свой чемодан в камеру хранения.

Сначала я посадил в пролетку Татьяну Владимировну, попрощался с ней, затем, с девочкой и Лукой, мы поехали по адресу, который они получили еще в Красноярске. Мне оставалось довести их до места, убедиться, что их приняли, а потом уже решать, что делать дальше.

Пока мы ехали в поезде, я попытался выяснить у Луки, что это за люди, но тот сказал, что сам ничего о них не знает, хотя, вполне возможно, он мне соврал. Ничего удивительного в его недоверии ко мне я не видел, так как такие, как он, «осколки царского режима», по сути дела, были вне закона, а значит, предельно осторожны в своих словах и поступках.

Пока мы ехали, я присматривался к Москве. Несмотря на будний день, народу на улицах хватало, причем все куда-то спешат, торопятся. Заходят в магазины и лавки, едут в автомобилях, управляют грузовиками и правят лошадьми. Я рассчитывал, что увижу поток легковых машин, все-таки как-никак столица, но их на дороге оказалось относительно немного, намного чаще встречались пролетки, трамваи и грузовики. После конского транспорта то там, то здесь оставались кучи конского навоза.

За время поездки мы два раза пересекали рельсы, с интересом наблюдая за весело звеневшими трамваями. Увидев катящие по рельсам деревянные вагоны, полные народа, девочка сразу загорелась желанием покататься на трамвае, но стоило мне увидеть, как на одной из остановок толпящиеся люди штурмовали вагоны, я сразу подумал, что это плохая идея катать ребенка на трамвае. По одной из улиц куда-то сосредоточенно топал взвод красноармейцев с командиром, а стоило нам выбраться из центра и оказаться среди частных домов, как в глаза сразу бросились два всадника в форме – конная милиция. Проезжая, слышали звон колоколов и видели высившиеся над зданиями золотистые купола церквей. При виде их Лука Никитич сразу выпрямлялся и начинал истово креститься.

Политическое сознание народа поддерживали многочисленные транспаранты с лозунгами и плакаты, которыми были оклеены не только афишные тумбы, но и стены зданий. Все они настойчиво призывали заклеймить позором пьяниц, бюрократов и взяточников, уничтожать врагов советской власти, поднимать народное и сельское хозяйство. По большей части народ не обращал внимания на массовую агитацию, только иногда гости столицы останавливались, задирая голову, читали надписи на протянутых через улицу красные полотнищах, привязанных веревками за фонари: «Товарищи! Единой волей и железной дисциплиной построим социализм», или «Вычистим из нашего аппарата враждебные и чуждые элементы».

С большим интересом я разглядывал прохожих, вот только они не сильно отличались от жителей Красноярска. Те же косоворотки, гимнастерки, френчи, галифе, сапоги и обмотки с солдатскими ботинками. Советские служащие щеголяли в парусиновых пиджаках и рубашках с короткими рукавами, на головах сидели легкие летние шляпы. Вот только это была стандартная, массовая одежда, которая обезличивала людей, напрочь убирая в них индивидуальность. Именно НЭП, после периода разрухи, гражданской войны и военного коммунизма, принес в повседневную жизнь людей европейскую моду и яркие цвета. Именно это я сейчас и наблюдал у нэпманов-мужчин – невообразимых расцветок галстуки и желтые ботинки «шимми», а у их жен и подруг – разноцветные шляпки модели «колокольчик», украшенные лентами или бантами, и укороченные платья различных расцветок, выставляя напоказ их ножки в шелковых чулках.

С интересом разглядывая женщин, выделял своим вниманием хорошеньких и фигуристых барышень. Особенно мне понравилась одна девушка, шагавшая в компании молодежи. Ей было лет восемнадцать, коротко стриженная, с приятным лицом, роскошной фигурой и большими выразительными глазами. На ее простенькой светлой блузке был прикреплен значок «КИМ».

Постепенно большие каменные дома отступали, давая место частным домам и зелени. Исчезли бульвары и проспекты, уступив место тенистым улочкам. Извозчик остановился у каменного двухэтажного дома, который, как я потом узнал, находился на границе с районом, имевшим смешное название Благуши. Здесь было много зелени и деревянных домов, начиная от добротных, с резными ставнями и деревянными петухами на коньке крыши, до халуп и рабочих бараков. Чуть позже, из чужого разговора я услышал, что именно в этом доме когда-то жили специалисты: врачи бывшей Измайловской земской лечебницы и инженеры с ткацкой фабрики. Теперь здесь живут самые разные люди, советские служащие, мелкие нэпманы. Этот дом почему-то не подвергся уплотнению, поэтому квартиры не уродовали, разбивая их на комнаты, и что немаловажно, цена аренды была намного меньше, чем в центре. Мне надо было где-то остановиться, а этот район, на первый взгляд, неплохо выглядел.

Извозчика на всякий случай отпустить не стали, мало ли как тут нас примут. Поднялись на второй этаж, постучали. Спустя минуту дверь открылась. Дверь открыла женщина:

– Вам кого?!

У нее было приятное лицо, но при этом в ней чувствовалась напряженность, правда стоило ей увидеть девочку, как взгляд сразу потеплел.

– Александра? – снова спросила она, опередив старика, только открывшего рот для ответа.

– Да. Это я, – ответила ей девочка.

Женщина улыбнулась, изображая радость, но я видел, что это была дежурная улыбка.

– А вы... Извините запамятовала, – она нарочно сделала вид, что не помнит, как зовут старика.

– Лука Никитич Вробин, – несколько обиженно представился тот.

– Да-да! Точно. Еще раз извините меня. Проходите скорей. Проходите, пожалуйста, в квартиру. Сашенька, ты такая красавица! Лука Никитич, вы бледно выглядите. Устали с дороги?! Да проходите, проходите! Я сейчас вас чаем напою! Вас, молодой человек, как зовут? – женщина сделала паузу, а дождавшись, когда я представился, сухо сказала: – Мне о вас ничего не известно.

Своими словами она четко и сразу отделила своих гостей от меня.

«Даже чаю дамочка не предложила. И взгляд у нее колючий. Впрочем, я свое дело сделал, можно и откланяться».

– Лука Никитич, я свое дело сделал, – обратился я к старику.

– Да, Саша. Большое спасибо, вы нам здорово помогли.

– Саша, ты еще придешь к нам?

Я пожал плечами, на что девочка лукаво, чисто по-женски, улыбнулась.

– Ну, пожалуйста.

– В кафе пойдем, пирожные кушать? – улыбнулся я ей в ответ.

– Да! И в синематограф! Хочу фильму с Чаплиным!

– Чаплин так Чаплин, – снова улыбнулся я. – Как устроюсь, зайду, если, конечно, у хозяев не будет возражений.

– Думаю, не будет, – с секундной заминкой и как-то неуверенно подтвердила женщина.

Откланявшись, я вышел на улицу. Понять, что сейчас произошло, было несложно. Эта женщина, принимающее звено, живет на квартире в ожидании, пока приедет наследница, чтобы затем передать ее по цепочке, в конце которой ее ждет свидание с родственниками за границей. Так что, если приду сюда через три-четыре дня, то, скорее всего, Сашеньки здесь уже не будет. Оглянулся по сторонам, так как забыл спросить, в каком направлении мне идти, а народу, как назло, не было на улице. Рабочий день, около трех часов дня, да и магазинов, похоже, здесь нет.

«Пойду обратно в сторону вокзала. Заберу вещи...» – дальше я не додумал, так из-за ближайшего угла мне навстречу, вывернули трое мальчишек-беспризорников, которые сейчас что-то энергично обсуждали, размахивая руками. Сделал жест рукой, подзывая. Заметили, насторожились и сразу замедлили шаг. Я неспешно пошел к ним.

– Не бойсь, босяки. Заработать хотите?

– Что надо делать? – спросил более крупный паренек в выгоревшей, некогда красной рубашке, на размер больше, и в замызганном картузе с наполовину оторванным козырьком. Старая выцветшая рубашка с закатанными рукавами была ему явно велика, как и штаны, которые он постоянно поддегивал, висели на нем, как на огородном чучеле. Близко подходить к ним не стал, остановился на расстоянии. Вонь, да еще живность всякую от них можно подхватить.

– Не знаете, может, кто комнату здесь сдает?

– Может, баба Зина, – как-то несмело сказал худенький паренек, на полголовы ниже своего приятеля, с бледным лицом и большими серыми глазами. Штаны и рубашка на нем были по размеру, но при этом сильно заношенные и грязные.

– Что за баба Зина? – спросил я его.

– погоди, Васек. Сколько дашь, дядя? – не став отвечать на мой вопрос, в свою очередь требовательно спросил меня главарь.

– Ты что, парень, цыган? Это тот коня за глаза продает, нахваливает. Ты мне сначала квартиру представь, а тогда и цену обговаривай. Так тебе понятно?

– Чего ж не понять, только так дороже будет.

– Ты что, нэпман, так и хочешь лишнюю денгу сшибить?

– Каждая работа своих денег стоит, – неожиданно наставительно выдал мне главарь.

– Ладно, деловой, называй цену. Потом скажешь, что под эти деньги ты мне предложишь?

Не устроит – разбежимся.

– Три рубля? – В тоне паренька был как вопрос, так и требование.

– Рубль, без торга. Говори дальше.

– К тетке Марии сведу. У нее жилищка уже есть, но я сам слышал, как она говорила, что у нее есть комната на еще одного жильца с отдельным входом, – мальчишка посмотрел на меня, пытаясь понять, как я реагирую на его рекламу, но видно особой радости не нашел, пояснил: – Дело в том, что у ейного мужа была мастерская, пристроенная к дому. Когда он помер, она продала все, что в ней было, сделав еще одну комнату. Так что, дядя?

– Комната в бывшей мастерской? – я скривился.

– Так там все есть. И вход отдельный.

– Сколько хозяйка просит?

Парнишка пожал плечами.

– Ладно, пошли.

– А деньги?

– Вот тебе полтинник, второй отдам, как сведешь с хозяйкой.

– Не обманешь?

– Крест на пузе. Идем.

После этих слов мальчишки как-то по-другому посмотрели на меня, явно не ожидая от приезжего фраера клятвы, которая была в ходу у беспризорников.

Пока шли, я немного разговорил ребят. Оказалось, что сравнительно недалеко отсюда, в полуразрушенном бараке, за рабочим поселком, проживает большая компания беспризорников. Сколько их там, мальчишки не могли сказать, так как все были полностью неграмотны. Выживали, как могли. В речке ловили рыбу, воровали с огородов, попрошайничали в городе, ну и крали, не без этого, что плохо лежало. Узнал, как их зовут. Делового пацана звали Степаном. Самого маленького и худенького мальчишку – Васей, а третьего – Митей, по прозвищу Живчик. Он был юрким и вертким, ни минуты не оставаясь в покое. Спустя десять минут они привели меня к частному дому.

– Здесь, – и Степан, старший из мальчишек, показал на калитку. – Так мы ждем?

– Ждите.

Хозяйка, Мария Васильевна, оказалась женщиной основательной, лет пятидесяти с хвостиком, с приятным румяным лицом и объемным телом. Будь она лет на двадцать моложе, то со своими формами вполне могла бы позировать для картины «Купчиха» художника Бориса Кустодиева. Познакомились, потом она меня пригласила в дом. Сели за стол, после чего она спросила:

– Откуда будете, Александр?

– Из Сибири, хозяйка. Приехал по делам. Надо по учреждениям побегать, кое-какие бумаги подписать.

– Из нэпманов, что ли?

– Какая тебе разница, хозяйка? Цену и условия назовите.

– Есть разница! Вдруг ты вор какой? Документ у тебя есть? По закону велено его на регистрацию отдавать в милицию.

– А потом фининспектору за квартиранта придется платить? – с усмешкой спросил я ее.

– Придется, – грустно кивнула хозяйка. – И так жить не на что, а эти дармоеды последние копейки готовы отобрать! Изверги!

– Не знаю, как у меня дела пойдут, поэтому сделаем так, хозяйка. Я вам, Марь Васильна, за две недели заплачу и денюжку дам для милиции. Без документов. Так сколько?

– Пятнадцать рублей и пятерку для Степана.

– Это местный участковый надзиратель?

– Ага. Так сговорились?

– Вам десять, ему трешка.

– Тогда пусть мне двенадцать будет. По рукам?

– Не так быстро, хозяйка. Я пока еще не знаю, где жить буду. Сначала покажите, а ежели понравится, тогда и по рукам ударим.

– И то верно. Да вам, Саша, обязательно понравится. Это же не комната, а целая квартира. А главное, вход отдельный. Послушай, а ты не бабник?

– Не понял, – я даже немного оторопел от подобного вопроса.

– Чего тут непонятного?! Ты с местными бабами будь поосторожнее, не то наши мужики тебе живо репу начешут, а мне потом ходи с участковым разбирайся.

– Не волнуйтесь, хозяйка. Мне кто поумнее надо, чтобы поговорить с ней можно, а не юбку сразу задираТЬ.

– Гм. Ты вот еще что... К моей жиличке, Дарье, не лезь. Она дюже грамотная, книги читает и работает в каком-то комитете... Название у него... Не вспомню. Только за ней ухаживать пытается один наш. Митька Семькин. Фулиган первостатейный. Говорили, что недавно двух фабричных на танцах так отлупцевал, что на бедняг смотреть страшно было. А из-за чего? К Дарьюшке приставали. Ты понял?

– Я тихий, мирный человек. Драться не люблю.

– Не любишь? – и женщина как бы в сомнении покачала головой. – Ладно, поверю, но ежели что, сразу иду к участковому, потом не взыщи. А теперь пошли, покажу, где жить будешь.

Мы обошли дом. Пристройка мне не очень понравилась. Душно. Окошко небольшое, самодельное, света давало мало, только что форточку можно открыть. Железная кровать с металлической сеткой, стол, стул, шкаф. Из всех удобств – перед входом умывальник приколочен. Единственное, что было хорошего, так это вход отдельный, а в заборе под него калитка сделана. Еще мне дверь понравилась, сама деревянная, а изнутри металлическими полосками укреплена, особенно в области замка.

– Не бойтесь, Александр, сюда ни один вор не залезет, – заметила хозяйка, видя, что я осматриваю дверь. – Мой муж первостатейный слесарь был. Его начальство на фабрике – ого-го! – как ценило! Он же здесь свой инструмент хранил, вот в этом металлическом ящике, поэтому сделал дверь, чтобы навечно. Ну, так как? По рукам?

– Что сейчас в этом ящике?

– Так он пустой. Я бы и его продала, так мой Петя прикрутил его болтами к столу. Снимать – замучаешься. А замок от него я себе забрала, на сундук повесила.

Если у меня и были сомнения, то теперь, при виде металлического ящика, прикрученного к столу в довольно незаметном месте, исчезли окончательно. Пусть не сейф, но хоть какая-то защита.

– По рукам.

Расплатившись с хозяйкой и получив от нее постельное белье и ключ, я вышел на улицу. В тени дерева, под забором, меня ожидали беспризорники, с унылыми физиономиями.

– Чего, дети улицы, загрустили? Держите, как обещал.

Степан жадно схватил полтинник, и все трое мальчишек сразу повеселели.

– Так мы пойдём?

– Погодите. Хотите еще полтинник?

– Что делать надо? – деловито поинтересовался Степан.

– В баню сходите, а то воняет от вас, как от помойки. Да вшей своих погоняйте. Если сделаете, как сказал, вечером подойдете. Работа есть, а нет, других найду.

Беспризорники выпучили на меня глаза.

– Тебе это зачем, дядя? – спросил меня Живчик. Отвечать я на его вопрос не стал.

– Держи...

Старший взял пятьдесят копеек.

– Теперь проводите меня. Мне нужен извозчик.

Мальчишки оказались сметливые, много чего слышали и видели, вот только отделить правду от слухов было несколько трудно, к тому же все их новости были мистического и криминального толка. Расчлененные трупы, какая-то утопленница, ограбление складов какого-то богатея, неуловимая банда, которая не оставляет свидетелей. Короче, они рассказывали мне то, что для них самих представляло интерес.

Найдя извозчика, я расстался с беспризорниками и поехал на вокзал за чемоданом. Поселиться здесь я решил по двум причинам. Во-первых, здесь дешевле, да и потише будет, чем в центре, а во-вторых – обещание, данное мною Наталье Алексеевне. Хотя я считал, что по большому счету свою работу выполнил, но проследить за тем, как пойдут дела у Сашеньки и Луки, все же не мешало. Вот только сам я не собирался этим заниматься, а решил подрядить под это дело троюгу беспризорников.

«Если что, сразу подскочу, а сам пока займусь своими делами».

Приехал я в Москву не просто так. В свое время я как-то наткнулся в интернете на один интересный документ, и теперь мне хотелось проверить, насколько тот соответствует действительности. К тому же, если эта история окажется правдивой, то на ней можно было заработать неплохие деньги.

– Уважаемый, ты не знаешь поблизости скобяной лавки? – спросил я извозчика.

– Как не знать, обязательно знаю. Так завернуть к ней?

– Давай. Мне замок навесной нужен. Хороший.

– Тогда точно к нему, к Сережке Завадкину. Ключи, замки, это все к нему. Руки у человека золотые, – неожиданно разговорился извозчик. – Он мне...

В скобяной лавке пахло металлом и машинным маслом. На полках лежали не только замки, но и всякий разный товар. Керосиновые лампы, примусы, задвижки, крючки. В углу была устроена маленькая мастерская. Там стояла маленькая наковальня, к столу были прикручены тиски, лежал паяльник и прочий инструмент.

– Здравствуйте. Чего желаете? – спросил меня хозяин лавки, лет сорока, с хитрыми глазами.

– Здравствуйте. Замок навесной нужен. Может, у вас есть, хитрый, с секретом?

– Конечно, есть, только сразу скажу: нынешнее ворье и не такие вскрывает. Вон нынче в газетах писали, что французский сейф господина Короткина, с двумя новейшими замками, вскрыли и много денег унесли. Ну что, не передумали? – с легкой усмешкой спросил хозяин лавки. – Будете смотреть?

– Буду.

Выбрав замок и получив к нему три ключа, я заплатил деньги и вышел.

– С покупкой вас, господин! На вокзал?

– Поехали.

Я смотрел на Москву, которую не узнавал совершенно, хотя родился и рос в этом городе до двадцати одного года, после чего отправился в путешествие, длиною в жизнь, и больше никогда не возвращался сюда. Теперь вернулся, только в другое время и в... абсолютно незнакомый мне город. Ехал, смотрел на золотые купола церквей, дома, людей и неожиданно понял,

что остался без родного города, так как та Москва была безвозвратно утеряна, а эту у меня душа не принимала. Когда меня мотало по миру, я иногда вспоминал свой город, мечтал о том, что пройду по знакомым улицам, встречу старых друзей...

«Не получилось. Все куда-то спешил, с кем-то боролся, искоренял несправедливость».

Чтобы отвлечься от подобных мыслей, стал наблюдать за жизнью города. Смотрел на людей, на вывески, пока не мазнул глазами по названию одного банка, после чего в голову пришла мысль о том, что, может, стоит положить туда мое золото. На время, пока другого, надежного, места не найду.

«Только для начала мне документы надо хорошие найти. Займусь ими в первую очередь», – решил я.

По дороге заехал в трактир, который мне посоветовал извозчик, где с удовольствием похлебал щей и поел пирога с мясом. Правда, если сравнивать его с трактиром Корнея в Красноярске, то там гораздо вкуснее было. Забрав на вокзале вещи, отправился обратно. Отблагодарил извозчика за полезные сведения, дав ему два рубля. Открыв свою комнату, первым делом спрятал в доморощенный сейф оружие и драгоценности, после чего стал разбирать свои вещи. Время прошло быстро. В небольшое окошко света и так проходило мало, да еще яблони со сливами, росшие во дворе, затеняли, так что скоро в комнате наступил полумрак. Керосиновую лампу я уже видел, когда осматривал комнату, та висела на проволочном креплении над столом. Проверил, есть ли в ней керосин, после чего вышел из помещения. Из-за забора виднелись головы парнишек. Подошел и сразу понял, что в бане они не были, но все же где-то помылись, одежду постирнули и даже причесались.

– В речке купались? – предположил я.

– Ага. Степашка достал обмылок, так что вымылись от души, – похвастался Живчик.

– Ну, пусть так. Заходите, сядем на лавочку, поговорим.

После того, как они сели, я сказал:

– Дело хочу вам троим поручить. Тут недалеко от того места, где мы встретились, дом стоит каменный, двухэтажный. Знаете?..

– Знаем. Знаем, дядя.

– Так вот, туда сегодня въехала девочка со своим дядей. Мне...

– Так я ее сегодня видел, – перебил меня неугомонный Живчик. – Я ж вам, пацаны, говорил про нее! Она с теткой в пролетку садилась.

– А мужчина с ними был? Старый, весь седой.

– Не, его не было. Они только вдвоем поехали. – Извозчик их ждал?

– Да я не знаю, – пожал худенькими плечами беспризорник.

– Значит, так. Мне нужно, чтобы вы за девочкой эти несколько дней проследили. Не хочу, чтобы с ней что-то случилось.

– А кто она тебе, дядя? – поинтересовался рассудительный Степан.

– Хорошая знакомая. Зовут девочку Сашенька. Так как? По рукам?

– Сколько положишь?

– Полтора рубля на день. Без торговли.

– Согласны. Только как мы за ней уследим? Сядет и уедет, только мы ее и видели.

– Около дома будьте. Может, кто из подозрительных людей крутится рядом с домом будет или кто что скажет. Если кто из них пешком пойдет, проследите, но смотрите, сильно там не мелькайте. И последнее. Наблюдать надо с раннего утра и до позднего вечера. Если что срочное – бегите сюда, но тут как повезет, так как у меня свои дела есть. И не врать мне!

– Все без обмана будет, дядя. Когда платить будешь?

– Вечером каждого дня. По рукам?

– По рукам. Так мы пойдем?

– Где тут поблизости поесть можно?

– Трактир есть и пивная. Чуть подалее пройти, там фабричная столовая, только она уже не работает.

– В пивной колбаса извозчичья есть и пирожки с ливером. Колбаска горячая, так и шипит! Ай, какая вкусная! Пальчики оближешь! – вдруг неожиданно влез со своими кулинарными восторгами неугомонный Живчик.

Если остальные мальчишки спокойно сидели на скамейке, то тот никак не мог усидеть на месте, соскочит с скамейки, походит туда-сюда, снова сядет.

– Что за народ ходит?

– Наши и фабричные. Правда, когда напьются, иной раз драки между ними случаются.

– А трактир?

– Мы туда не ходим. Там нас гоняют, потому там и близко не бываем. Однажды Кольку Винта половые поймали, да так мокрым полотенцем отстегали, что он долго на заднице сидеть не мог.

– А за сегодня как, дядя? – спросил меня Степка. – Про девочку мы тебе же рассказали. Заплатишь нам?

– Заплачу, а теперь идите.

Мальчишки убежали, а я подумал, что надо немного погулять по местным окрестностям, да посмотреть, где что здесь находится. Спустя полтора часа я уже мог ориентироваться в этом районе. Возвращаясь, заметил двух крепких парней, которые терлись вблизи моей калитки. В отдалении от них я увидел стоящих беспризорников. Живчик было рванулся ко мне, но Степка его удержал.

– Глянь, Федька, какого франта Васильна к себе подселила, – услышал я, подходя к калитке.

Дойти до калитки не удалось, парни перегородили мне дорогу, при этом они слегка покачивались, распространяя вокруг себя запах перегара.

– Ты откель такой гладкий взялся? – поинтересовался один из них.

– Парни, отойдите, дайте мне пройти.

– Митька, глянь какой наглый. Пройти хочет. Он что такой важный, что обойти нас не желает?

– Как скажете. Телеграфный столб или дерево я всегда обхожу.

– Столб?! – вдруг взревел Митька. – Зашибу, падла!

Поднырнув под широкий замах, я врезал под дых. Сильно и точно. Даже самогонный наркоз не смог снять резко вспыхнувшую боль в солнечном сплетении Митьки. Он еще только начал сгибаться, схватившись руками за живот, как в следующее мгновение я оказался рядом с Федькой. Тычок пальцами в горло, и тому сразу стало не до меня. Упав на колени, он сейчас судорожно пытался втянуть в себя воздух. Резко развернувшись, шагнул к Митьке. Не давая ему опомниться, ударил локтем в челюсть, после чего тот рухнул на землю. Посмотрел по сторонам, но так как почти стемнело, да и закончилось все быстро, можно было сказать, что никто ничего не видел. За исключением беспризорников. Мальчишки, как замерли у забора дома напротив, так и продолжали неподвижно стоять, похоже, даже не дышали.

«Надо заканчивать», – подумал я и присел на корточки перед приятелем Митьки. Бил я не жестко, так что он успел продышаться и теперь с испугом смотрел на меня. Стоило мне шагнуть к нему, как тот попытался отстраниться.

– Не дергайся, Федя, бить больше не буду. А теперь слушай меня внимательно. Если нечто подобное повторится, я сломаю тебе и твоему приятелю руки. Переломаю, как веточки. Понял? Кивни, если понял, – я сказал все это очень тихо, наклонившись к стоящему на коленях парню.

В ответ парень даже не кивнул, а нервно дернул головой. Выпрямившись, я подошел к беспризорникам.

– Здоров ты, дядя, кулаками махать. Раз...

– Если будете об этом молчать, то я вам сегодня рубль сверху накину. Так как?

– По рукам, дядя, – важно заявил Степка.

– Ладно, рассказывайте, что узнали.

– Они час назад приехали, – негромко сказал Степан. – Что-то купили, потому что у тетки в руке пакет был. Вроде все.

– Девочка веселая была. Улыбалась, – тихо добавил Вася.

Рассказывая, парнишки время от времени бросали взгляды на проходящих в себя местных хулиганов.

– Я в трактир собирался идти, – сунул руку в карман, достал деньги, собираясь отдать беспризорникам. – Если по пути, пошли вместе.

– Дядя, не надо, – посмотрел на деньги жадным взглядом, а потом на меня, Степка. – Ты нам лучше купи в пивной колбасы, пирожков с требухой и хлеба.

– Как хотите. Пошли.

Обычно разговорчивые мальчишки сейчас шли позади меня и оживленно шептались. Впрочем, о чем они говорили, догадаться было несложно.

Пивная оказалась недалеко. Дверь была открыта настежь, а из помещения несли мат, пьяные крики и звуки гармошки. С краю, на ступеньках сидел пьяный, свесив голову. В двух шагах от него стояла, пошатываясь, компания. Они курили и ругали матом какого-то мастера Севку.

– Так сколько чего покупать? – спросил я, оглянувшись на мальчишек.

Беспризорники стали растерянно переглядываться друг с другом.

– Кроме вас троих кто еще есть?

– Витька... Ванька... Семка... и Таньки, большая и маленькая, – стал медленно перечислять беспризорник.

– Леньку забыл, – подсказал ему Живчик.

– Понял. Девять человек. Возьму на все деньги колбасу и пирожки.

– Ага, – сразу согласился Степка, после чего тихо добавил: – И хлеба.

Спустя десять минут я вышел из пивной с двумя большими пакетами и двумя бутылками кваса.

– Держите.

– Все, братва, сегодня нажремся от пуза, – с непередаваемым ощущением счастья произнес Живчик, беря пакет.

Загруженные едой, беспризорники сначала проводили меня до трактира, а затем, сорвавшись с места, с радостными криками помчались к своим друзьям-подружкам.

Глава 2

Дом был большой, старой постройки, солидный и величественный, с красивыми фигурными балкончиками. После вчерашнего дня, который полностью посвятил прогулке по Москве, я уже стал немного разбираться в местной архитектуре, поэтому определил его как бывший доходный дом для среднего класса. Теперь он был отдан под коммунальные квартиры трудовому пролетариату, который сначала разделил квартиры на отдельные комнаты фанерными перегородками, а затем и комнаты были разбиты на ущербные кусочки пространства, которые вошли в историю как коммуналки. Я поднялся по широкой мраморной лестнице на второй этаж. Пахло кислой капустой и мокрым бельем. Найдя нужный мне номер квартиры, я обнаружил рядом с дверью кнопку звонка, а под ней прикрепленную картонку с шестью фамилиями и сколько раз им нужно звонить. Найдя нужную фамилию в списке, я быстро четыре раза нажал кнопку звонка и, услышав слабое дребезжанье за дверью, стал ждать. Спустя пару минут дверь распахнулась, и на пороге показался мужчина лет пятидесяти, с животом и приличной лысиной. Почесывая живот, он близоруко прищурился и недоуменно спросил:

– Вы кто?

– Я к Гришутинной.

Лениво-сонное выражение лица мужчины мгновенно изменилось. Оно стало злым.

– Вы что, гражданин, ослепли, что ли?! К Машке четыре звонка, а не три.

– Это вы глухой! Я звонил четыре раза.

– Черт вас разберет, сколько вы звоните! – выкрикнул он и вдруг неожиданно захлопнул перед моим носом дверь.

«Ну, хамло! Ты у меня схлопочешь!»

Только я успел нажать один раз на звонок, как дверь сама неожиданно распахнулась. На пороге стояла молодая женщина, державшая за руку девочку лет пяти. На малышке было нарядное желтое платьице, а на голове большой желтый бант. Она подняла на меня глаза:

– Здравствуйте, дяденька.

– Здравствуй, красавица, – ответил я, затем спросил у ее матери: – Не подскажете, где мне найти Гришутину?

– Проходите дальше, ее комната в самом конце коридора. Хотя нет, погодите, она же сейчас на работе.

– А где находится...

– Извините, не знаю, – перебила меня женщина. – Что-то с музеем связано. Идем, Танечка.

Когда они прошли мимо меня, я перешагнул порог и вошел в коммунальную квартиру. Коридор пах мокрым бельем и жареной картошкой. На его облупившихся стенах в произвольном порядке висели тазы, стиральные доски и детские велосипеды. Где-то плакал ребенок, рядом, за фанерной дверью, ругались муж с женой, по коридору, мимо меня, перекрикиваясь и смеясь, пробежала стайка детей. В голову сами собой пришли слова из песни В. Высоцкого: «...Все жили вровень, скромно так: система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная». Неожиданно одна из дверей открылась, и на пороге показался уже знакомый мне урод. Не знаю, что он увидел на моем лице, но исчез обратно так быстро, как словно бы мышь юркнула в нору, спасаясь от кошки. Вдруг неожиданно потянуло чем-то горелым. Запах услышал не только я, так как почти над моим ухом раздался злобный женский вопль из-за фанерной стенки:

– Фроська, ты что творишь, паскуда! Дом сожжёшь!

Я уже собрался постучаться в ближайшую дверь, как входная дверь снова открылась, и я увидел на пороге сухонькую старушку в детской панамке и с бидончиком в руке.

– Здравствуйте, уважаемая. Не подскажете, где мне найти Гришутину?

Старушка остановилась, окинула меня внимательным взглядом с ног до головы, видно оценивая, стоит ли говорить, и только потом ответила:

– Здравствуй, милоч. Где ж ей сейчас быть, как не на работе, в музее. Он тут, недалеко. Выйдешь от нас и пойдешь... – и она обстоятельно, даже с излишними подробностями, рассказала, как добраться до музея.

Поблагодарив ее, я отправился по указанному мне маршруту. Благодаря обстоятельной старушке я сравнительно быстро вышел к зданию-дворцу с табличкой «Цветковская галерея. Музей художественного искусства». Поднявшись по широким ступеням и войдя в широкий и прохладный вестибюль, я огляделся. Ни одного человека. Справа, по случаю лета, пустовала вешалка, а слева стояла будка с окошечком и надписью наверху «Касса». Подойдя к кассе, я только открыл рот, как сидевшая там сухопарая дама неопределенных лет опередила меня неожиданным вопросом:

– Вы сам по себе, гражданин?

– Гм. Ну да.

– Тогда с вас двадцать пять копеек.

– Я пришел сюда не любоваться картинами. Мне просто надо поговорить с Гришутинной Анастасией Васильевной.

– Купите билет и можете идти разговаривать, – сказала, как отрезала, кассир.

Я отдал ей двадцать пять копеек, получил билет, но при этом, не удержавшись, спросил:

– А если бы я не был сам по себе?

– Тогда бы вы были в составе экскурсии, и билет вам стоил десять копеек.

Пройдя в первый зал, откуда начиналась экспозиция, я сразу подошел к женщине – смотрительнице, лет тридцати пяти. Строгое темно-синее платье с кружевным воротничком подчеркивало стройность ее фигуры, а густые волосы, уложенные узлом на голове, демонстрировали изящность шеи. Взгляд синих глаз мягкий и доброжелательный.

«Приятная женщина», – отметил про себя я.

– Здравствуйте. Не подскажете, где я могу увидеть гражданку Гришутину?

– Здравствуйте. Это я, но вас, извините, не знаю.

– Меня зовут Александр Станиславович. Можно просто звать Сашей. Я приехал из Красноярска и привез вам письмо от Натальи Алексеевны.

Женщина сначала обрадовалась, но в следующее мгновение на ее лице появилась тревога.

– Господи. Надеюсь, с ней ничего не случилось?

– Пока ничего. А это вам. Держите, Анастасия Васильевна, – я достал из кармана письмо и протянул женщине.

Та взяла письмо в руки, какое-то время смотрела на него, потом подняла глаза, полные слез, и тихо спросила:

– Как она... себя чувствует?

– Обрадовать нечем, но, когда я уезжал, была жива. Если вы знаете, у нее плохо с сердцем.

– Да. Да, я знаю, – женщина достала платочек и приложила к глазам. – Извините.

– Ничего.

– У меня до обеденного перерыва полчаса осталось. Вы не могли бы меня у входа подождать? Или здесь, по залам, ходите.

– Подожду у входа.

Дождавшись, когда она выйдет, я спросил ее:

– Анастасия Васильевна, где будем разговаривать?

– Тут в трех минутах бульвар. Идемте туда.

Мы сели на лавочку.

– Я прочитала письмо. Вы знаете его содержание?

Я невольно напрягся.

– Нет.

– Наталья Алексеевна пишет о вас, как о хорошем, приличном человеке.

– Не может быть. Я человек, склонный к риску, и она об этом знает.

– Кстати, она и об этом упоминает. Вы знаете, она пишет так, словно говорит с тобой, поэтому я уже много чего о вас знаю.

– У вас с Натальей Алексеевной, мне так кажется, были близкие и доверительные отношения.

– Это действительно так. Я ей очень благодарна за то, что она на многое открыла мне глаза, помогла, когда мне было плохо... Впрочем, это мое личное и останется только при мне. Да что это я о себе говорю. Вы давно приехали? Как устроились?

– Два дня назад и уже устроился.

– Могу я вам чем-то помочь, Александр Станиславович?

– Ничего не надо. Я пришел к вам только для того, чтобы письмо передать.

– Мне очень хотелось бы принять вас как положено, поэтому вы, может, зайдете ко мне как-нибудь в гости. Мне хочется побольше узнать о Наталье Алексеевне. Я так давно ее не видела.

– У меня есть дела, но как только выберу время, постараюсь вас навестить.

– Я была бы очень рада.

– Анастасия Васильевна, я вас не узнаю. Вы кокетничаете с молодым человеком? – неожиданно раздался голос мужчины лет сорока, аккуратно одетого, даже с претензией на моду. Его я сразу отметил среди гуляющих по бульвару людей, уж больно внимательно он на нас смотрел, идя в нашу сторону. Чуть недовольное выражение довольно приятного лица, пушистые усы, настороженность в глазах.

– Петр Сергеевич, как вы могли подумать такое? – женщина улыбнулась краешками губ. – Только как вы меня нашли?

Я отметил для себя, что женщина рада его видеть, а это могло означать только одно, он ей безразличен.

– Все очень просто, дорогая Анастасия Васильевна. Я шел к вам, чтобы сказать, что взял билеты в театр, но мне сказали, что вы ушли. Я почему-то сразу подумал, что вы пошли на свою любимую лавочку, где любите сидеть, когда хотите уединиться. Вот вы здесь, но при этом с молодым человеком, что мне кажется довольно странным. Вот я и подумал: не замешан ли здесь амур?

Сказано это было вроде шутливо, но взгляд мужчины при этом был холодный и цепкий.

– Петр Сергеевич, побойтесь бога! – возмущение женщины было явно наигранным. – Какие в моем возрасте амурсы, да еще с молодыми людьми!

Я поднялся со скамейки.

– Чтобы разрешить двойственность создавшегося положения, я для начала представлюсь. Александр.

– Петр Сергеевич Зворыкин, – мужчина чуть-чуть приподнял шляпу. – Приятно познакомиться.

– В Москву приехал недавно, а наша встреча с Анастасией Васильевной состоялась благодаря письму, которое я привез от ее хорошей знакомой.

– Так и есть, – женщина встала со скамейки. – Александр привез мне письмо от Натальи Алексеевны. Вы должны помнить, я вам про нее рассказывала.

– Прекрасно помню, так как слышал о ней не один раз. Значит, если я все правильно понимаю, вы, молодой человек, прибыли к нам из Сибири?

– Оттуда. Теперь не буду вам мешать. Разрешите откланяться.

– Александр, я надеюсь на нашу новую встречу, – еще раз напомнила мне женщина.

– Хорошо, Анастасия Васильевна. В ближайшие дни я постараюсь вас найти. Или дома, или на работе. Хорошо?

– Это было бы замечательно.

– Извините меня за назойливость, Александр, – неожиданно снова вступил в разговор Зворыкин. – Вы приехали из Красноярска?

– Да.

– У меня есть очень хороший знакомый, который долго служил в тех краях. Жену себе там нашел. Мне неудобно вас просить... – мужчина неожиданно замялся.

– Вы о Власове, Петр Сергеевич? – неожиданно спросила его женщина.

– Да, о Владимире! Уж и не знаю, что с ним делать. Того и гляди, учудит над собой что-нибудь смертельное.

Еще по пути в Москву я думал о том, что надо найти подходящих людей, на которых можно будет положиться. Так ту операцию, что я задумал, в одиночку было не провернуть, а связываться с ворами у меня не было ни малейшего желания. По горло был сыт их подлостью. Я прикинул, что мне надо искать соратников среди бывших офицеров, вот только они умело прятались под чужими личинами, но при этом не хотел иметь никаких дел с боевыми офицерскими группами или с белогвардейским подпольем, чтобы не оказаться под прицелом ОГПУ, так как с методами их работы я был знаком не понаслышке. Судя по выправке и манере держаться, Зворыкин как раз был «бывшим», как и его приятель Власов. Даже если они не подойдут, у меня появится шанс выйти на их круг общения и уже из них подобрать нужные мне кандидатуры. Это и стало причиной, по которой я не стал бесповоротно отказываться.

– Излагайте вашу просьбу, Петр Сергеевич, а я вам скажу: да или нет.

– Есть у меня старый друг. В свое время жизнь нас раскидала в разные стороны и вот свела снова, совершенно случайно, здесь, в Москве. Понимаете, Александр, он человек деятельный, можно сказать, боевой по характеру, а так случилось, что оказался без дела и захандрил. Я уже по-всякому пробовал, только у меня не получилось. Вот я и подумал, что разговор с вами, общие воспоминания о Сибири встряхнут его, вырвут его из этого состояния.

– Он что, запойный?

– Нет. Я же говорю, хандра у него.

В качестве лекарства от депрессии мне выступать еще не приходилось, но раз другого варианта у меня пока не было, я дал свое согласие:

– У меня есть время. Можем поехать прямо сейчас.

– Буду вам очень благодарен. Анастасия Васильевна, извините меня, ради бога, но сейчас я вынужден откланяться. Еще раз напоминаю, что мы сегодня идем в театр. Буду у вас в половине седьмого, – сказал Зворыкин.

– До свидания, – попрощался в свою очередь я с женщиной. – На днях загляну.

– Непременно буду ждать.

Извозчика мы нашли быстро. По дороге я попытался разговорить Зворыкина, но тот явно не хотел вдаваться в подробности, как своей жизни, так и его хорошего друга, отделяваясь короткими, односложными ответами.

Власов оказался мужчиной видным. Крупный телом, широкоплечий, с классическим профилем лица, которое сейчас портили ввалившиеся глаза, щетина и пустота в глазах. Петр Сергеевич оказался частично прав, стоило ему узнать, что гость приехал из Сибири, он поднялся с кровати и даже попытался привести себя в порядок. Правда, я так и не понял, это он проявил простое уважение к гостю или все же его заинтересовало то, что я приехал из Красноярска. Мы пили чай и вели тягучую, с остановками, когда не знаешь, что сказать, беседу. Спустя полчаса мне это надоело, и я сказал:

– Извините, господа, но наш разговор, похоже, зашел в тупик. Я не доктор и не лечу душевных болезней, зато могу предложить вам настоящее дело. Если вы, господин Власов, решите снова вернуться в реальную жизнь, дайте знать. Вас это тоже касается, Петр Сергеевич. Ведь вы вряд ли довольны своим нынешним положением? Или я ошибаюсь?

– Настоящее дело? – повторил Власов, и мне показалось, что в его глазах сейчас мелькнуло что-то живое.

За время нашей беседы Зворыкин больше молчал, прихлебывая чай, и только иногда дополнял Власова, но после моих слов он с некоторым удивлением посмотрел на меня. Видимо, он уже успел составить обо мне свое мнение, но мои последние слова, похоже, заставили его пересмотреть.

– Как и другой любой человек, – сейчас он смотрел на меня задумчиво, пытаясь понять, что я собой, на самом деле представляю. – Человек существо несовершенное, ему всегда что-то нужно. Вот только есть у меня определенные сомнения по поводу вашего предложения. Вы, если я все правильно понимаю, приехали два дня назад, а уже сегодня хотите предложить дело двум совершенно незнакомым вам людям. Это как понять?

– Ваш вопрос с подтекстом, Петр Сергеевич. На самом деле вы хотите знать: провокатор ли я? К сожалению, прямо сейчас развеять ваши опасения я не в силах, но, если у нас состоится новая встреча, думаю, что смогу найти подходящие аргументы.

– Это опасно? – неожиданно спросил Власов, который стал оживать прямо на глазах.

– В определенной мере. Если мои слова вас заинтересовали, господа, то мы можем в ближайшие дни встретиться и поговорить на эту тему более подробно. Сейчас извините меня. Дела. Вынужден откланяться.

Выйдя на улицу, я решил прогуляться, а заодно попробовать составить впечатление об этих двух людях. Бывшие военные, крепкие, подтянутые, лет сорока, с военным опытом, при этом без особых политических пристрастий. По крайней мере, Власов, который, в отличие от своего друга, оказался более разговорчивым, не горевал о царе-батюшке и не проклинал большевиков. Впрочем, открывать мне свою душу он не стал, и единственный реальный факт, который мне удалось узнать, так это то, что его жена и сын погибли пару лет тому назад. Даже при этом Власов показался мне более открытым человеком, в отличие от его друга, тот оказался в соответствии с известным выражением «застегнут на все пуговицы». Впрочем, в дальнейшем они могли оказаться людьми совсем другого толка, а сейчас я видел лишь маски, которые те привыкли носить.

«Пока однозначно можно сказать только одно, что эти мужчины сами по себе, а это значит, что хвоста в виде контрреволюционного подполья или ГПУ у них нет».

Несмотря на определенную уверенность, я пару раз проверился по дороге, а когда убедился, что явной слежки за мной нет, решил зайти куда-нибудь пообедать. Заглянул в первый попавшийся мне по дороге ресторан, после чего поехал к себе.

У забора дома, где я снимал комнату, в тени дерева сидел Живчик. Увидев меня, вскочил на ноги и бросился ко мне.

– Дядя, а я тебя ждал. Девочку увезли.

– Кто? Куда?

– Опять та тетенька увезла. Девочка вместе с ней села в пролетку, и они уехали.

– А Лука? Пожилой человек, вместе с ними поехал?

– Не, но мы его видели. Он в лавку за продуктами ходил.

Я задумался. Поводов для такой поездки может быть много. Они могли и просто по магазинам поездить или в ателье, чтобы пошить девочке платье.

– Извозчик их опять ждал? – снова спросил я.

– Он как приехал, так сразу на часы посмотрел.

– Извозчик один и тот же человек?

– Ага!

– Долго ждешь?

– Долго.

В это слово Живчик мог вложить как двадцать минут, так и два часа. Уточнять было бесполезно.

«Чего я, собственно, беспокоюсь? – подумал я. – До места довел, с рук на руки передал. Только это, похоже, не наемники, а спецслужба какого-то государства. По-любому задачу, считай, выполнил. Еще пару дней понаблюдаем, и гуд бай, милая Сашенька!»

– О чем они говорили? – снова спросил я.

– Степка ближе был, может, он слышал. Он еще потом за ними побежал. Я сюда, а Васька там, у дома, остался.

– Ты беги, я за тобой, но на улице ко мне не подходите, будто мы не знакомы. Степке скажешь, пусть потом подойдет. Все понятно?

Живчик кивнул, затем сорвавшись с места, пулей понесся по улице.

Выйдя на улицу, где стоял нужный мне дом, огляделся. Летний день. Время рабочее, на улице, залитой солнечным светом, никого не было. Навестить Луку или нет? Если сейчас кто-то наблюдает за домом, то меня сразу вычислят. Постояв с минуту, решил, что овчинка выделки не стоит, и повернул обратно домой, а спустя пятнадцать минут прибежал Степка с новостями.

– Уф! Совсем замаялся, дядя, но так и не догнал.

– Бог с ними. Что-то слышал?

– Извозчик ее назвал... вроде как... паной.

– Пани.

– Точно! Пани Ядвига и еще что-то сказал, только не по-нашему.

«Поляки? – слегка удивился я. – Польская разведка? А почему бы и нет? Да и какая мне разница!»

Несмотря на это мысленное заверение, мысль о девочке все равно сидела во мне занозой. Залез в карман, отсчитал полтора рубля и отдал парнишке.

– Благодарствую, дядя.

– Давай, беги отсюда, племянничек.

Зайдя в свою комнату, проверил сохранность своего саквояжа и понял, что здесь мне делать нечего.

«А не навестить ли мне Таню? – сразу возникла мысль. – В ресторан сходим, погуляем. А там видно будет».

Адрес девушка мне дала, когда мы расставались на вокзале, а вот по поводу фамилии своей родственницы ничего не сказала, а я этот момент как-то упустил. Сейчас я стоял перед дверью, где на фанерке, висящей рядом со звонком, было написано восемь фамилий. Ради эксперимента решил на этот раз не звонить, а потянул за ручку двери, которая, к моему немалому удивлению, открылась. Не успел я войти, как из ближайшей двери вышла женщина в неопрятном домашнем халате, лет сорока пяти, с увядшим лицом. Она удивленно посмотрела на меня, потом спросила:

– Вы к кому, мужчина?

– Сюда девушка недавно приехала. Зовут Таня. Я к ней.

– Вы не вовремя пришли, – женщина как-то нехорошо усмехнулась. – Но раз пришли, проходите. В самый конец коридора.

«Что значит не вовремя?» – подумал я, но уточнять не стал.

– Спасибо, – сказал я и пошел в указанном направлении.

Проходя мимо ряда дверей, из которых одна была открыта, невольно бросил взгляд внутрь комнаты. Третью помещения занимала железная кровать с одеялом из разноцветных треугольников и множеством подушек, сложенных горкой. В двух шагах от нее стоял комод с гипсовыми фигурками животных, а рядом, на стене, висела увеличенная супружеская фотография, засиженная мухами.

В конце коридора, у дверей одной из комнат, собралась небольшая толпа из дюжины человек и тихо шумела, видно, таким образом реагируя на громкий и резкий женский голос:

– Граждане, вы знаете, что в центральных городах нашей страны сейчас проводится чистка от тех элементов, которые тормозят и затрудняют жизнь нашей страны и трудящегося пролетариата. Органы рабоче-крестьянской власти не могут терпеть такого положения! Поэтому всем социально вредным элементам громко сказано, что им не место в нашем социалистическом обществе! Как вы знаете, дорогие граждане, домовым комитетам даны права по выявлению таких элементов. И вот такой вредный элемент живет рядом с вами! Я всегда утверждала и дальше буду говорить, что Булиткина – не трудовой человек. Мало того что она была в экономках и путалась со всякой дворянской сволочью, так и теперь занимает непомерно большую площадь, когда в нашем городе тысячи пролетарских семей ютятся в сырых и холодных подвалах. Товарищи, предлагаю создать прямо сейчас пролетарскую комиссию! И на основании ее решения, мы будем определять, что делать с жилплощадью гражданки Булиткиной! Кто хочет высказаться?!

– Да чего тут говорить?! – раздался хриплый мужской голос. – Выкинуть ее на улицу, а вместо нее поселить настоящих пролетариев, которые кровь проливали за советскую власть!

– Сенька, ты, что ли, пролетарий? Да ты пропойца! – раздался из толпы задорный женский голос. – Тебе бы только zenки твои поганые залить!

– Заткнись, Машка! Не тебе, шалаве, за мои подвиги говорить!

– Ты про какие свои подвиги говоришь?! Когда свою Маруську колотишь?! – снова раздался тот же женский голос.

В толпе засмеялись, потом раздался мужской голос:

– Товарищи! Я считаю, что это как-то неправильно! Где представители власти? Где представитель домкома? Получается просто самосуд какой-то! Почему...

Но договорить ему не дала командная дама:

– Товарищи! Товарищи! Призываю вас всех к порядку! Сначала мы выберем комиссию из жильцов, потом составим акт, а после предоставим наше решение председателю домового комитета. Я предлагаю начать голосование...

– Слушай, Колотова! Ты чего здесь раскомандовалась?! – снова раздался тот же женский голос, как я определил для себя, местной активистки. – Тебя завмаг Синюшкин, что ли, купил?! Для него стараешься?!

– Ты, Осокина, свои провокаторские замашки брось! Опять лезешь, куда не надо! Николай Игнатьевич, наведите порядок!

– А ну всем молчать! Следующий, кто пасть раскроет, рыло начищу! Вы меня знаете!

Толпа сразу примолкла.

«О как! Интересно...» – и я, расталкивая недовольный народ, стал протискиваться вперед. Оказавшись на пороге комнаты, быстро оббежал взглядом помещение. За столом сидела пожилая полная женщина с бледным лицом и страдальческими глазами. В них читалось отчаяние. Рядом с ней, прислонившись спиной к шкафу, стояла поникшая Татьяна, но стоило ей меня увидеть, как девушка сразу взбодрилась. В двух шагах от них стояла перезревшая женщина, лет пятидесяти, в ярко-желтом платье, по расцветке походившая на индейца в боевом походе, только головного убора из перьев не хватало. Чуть сбоку от нее стояли двое мужчин, которые, как я понял, изображали силовую поддержку. Один из них, с отечным лицом алкоголика, был одет в вытянутую майку и заношенные галифе. Второй, дюжий мужик, был в мятых,

неопределенного цвета, брюках и рубашке навыпуск. Я сделал еще шаг вперед и оказался в комнате.

– Вы кто, гражданин? – тут же потребовала от меня ответа крашенная дама.

Я окинул сначала ее пренебрежительным взглядом, потом двух стоящих рядом с ней мужиков и только после этого ответил:

– Кто-кто. Конь в пальто. Лягну, и не встанешь, сучка крашенная.

Несколько секунд она смотрела на меня недоумевающим взглядом, пока до нее дошло, что ее только что оскорбили.

– Я не позволю...

– Пасть захлопни, воняет, – я развернулся к толпе. – Люди, а что тут за сборище?

На мой вопрос сразу откликнулась миловидная женщина лет тридцати, в длинном домашнем халатике с пояском, который подчеркивал ее точеную фигурку:

– Да Лизка Колотова хочет отобрать квартиру у Марь Ивановны.

– Николай Игнатьевич, восстановите порядок! – раздался командный голос наконец пришедшей в себя крашенной дамы.

– Да я тебя, паскуда, щас тебя...

Угроза была так себе, да и удар с замахом дюжему мужику видно в деревне ставили. Легко уйдя в сторону, я ударил сам, в печень. Когда он утробно взвыл, согнувшись наполовину, его выставленная челюсть очень хорошо подошла для быстро выброшенного вверх колена. Он хрюкнул, после чего завалился на пол, как подрубленное дерево.

– Ты, как тебя там, ветеран, ходь сюды, – я сделал жест, подзывая его к себе второго мужика в майке-алкоголичке.

– Не-не-не, я здесь ни при чем. Это все она, Лизка Колотова. Говорит, бутылку поставлю, ежели за меня скажешь, – при этом ветеран, выставив вперед руки, словно защищаясь, стал мелкими шажками отступать в глубину комнаты.

– Лизка это ты? – я ткнул пальцем в побледневшую женщину.

– Товарищи! Надо срочно вызвать милицию! Это же какой-то форменный бандит! Това...

– Пасть закрой! Разговаривать будешь, когда я скажу! Поняла? – я сделал к ней пару шагов.

Она отступила, прижавшись спиной к стене.

– Не слышу.

– Не подходи ко мне, сволочь!

Я сделал еще один шаг по направлению к ней.

– Граждане! Убивают! А-а-а!

От страха потеряв голову и впад в самую настоящую истерику, женщина сейчас истошно вопила, пытаясь спрятаться за своим криком, повернувшись к сгрудившимся в дверях людям, которые с некоторой опаской, но больше с написанным на их лицах живым любопытством наблюдали, что происходит в комнате. Судя по всему, подавляющему большинству зрителей все это, похоже, нравилось.

«Похоже, гражданка Колотова не в фаворе у народа. Продолжаем спектакль».

– Товарищи, да у нее самая настоящая истерика! – воскликнул я и с удовольствием ответил ей две полновесные пощечины. Голова женщины мотнулась сначала в одну сторону, потом в другую, щеки налились нездоровой краснотой, но при этом она сразу прекратила орать. В толпе заахали, но при этом продолжили с еще большим вниманием смотреть спектакль. Я повернулся к толпе:

– Вот так, дорогие граждане, лечится женская истерика. Еще можно ведро холодной воды на голову опрокинуть. Вот только у меня... Хотя извините, есть!

Схватив графин с водой, стоящий на столе, я вытащил пробку и опрокинул его над головой Колотовой. Вода хлынула ей на голову, стекла по волосам, а затем потекла по лицу, смывая пудру и краски, превращая его в жуткую маску. Народ дружно ахнул. Глядя на впавшую в столбняк женщину, я решил, что пора заканчивать.

– Все! Собрание закрывается! Гражданка Колотова, вы можете идти! А вы, товарищи, расходитесь! – попросил я жильцов уже сухим, казенным тоном.

Колотова, даже не пытаясь утереться, деревянным шагом направилась к двери. Шок еще не отпустил женщину, и она не совсем понимала, что произошло. Люди расступились перед ней, пропустили, а потом пошли следом. В дверях остались две женщины, которые сейчас вопросительно смотрели на меня.

– Это ваши мужья? – догадался я. – Не стесняйтесь, женщины, забирайте их!

Стоило мне так сказать, как мужичок в майке-алкоголичке тут же кинулся к двери.

– А ну, стоять!

Тот остановился, повернулся ко мне, глядя на меня глазами побитой собаки.

– Помогите женщинам тащить своего приятеля!

Когда за ними закрылась дверь, я поставил графин, который до сих пор держал в руке, на стол, потом повернулся к хозяйке квартиры:

– Здравствуйте. Будем знакомиться. Александр. Лучше зовите Сашей. Татьяна, здравствуйте.

– Здравствуйте, Саша. Вы вовремя пришли. Не знала, что вы такой артист, так хулигана разыграть, уметь надо, – и девушка покачала головой.

– Спасибо вам большое, Александр, – поблагодарила меня хозяйка, у которой только сейчас стал восстанавливаться природный цвет лица. – Присаживайтесь, пожалуйста. Извините, так разнервничалась, что забыла поздороваться. Здравствуйте и еще раз большое-большое вам спасибо.

– Не за что. Вот пришел посмотреть, как Татьяна Владимировна живет, а тут у вас целая война за жилплощадь идет.

– Давно уже идет, но потихоньку, сапом, а сегодня Елизавета как с цепи сорвалась. Все, больше не будем говорить о неприятном. Давайте я сейчас чаю поставлю. У меня печенье есть, мягкое, рассыпчатое.

– Большое вам спасибо, но я хотел пригласить Таню на прогулку, если ни у кого возражений нет.

– Да мне как-то неудобно, право. Пришли в гости, помогли и сразу уходите, – стала сокрушаться хозяйка.

– Ничего страшного. Не последний день живем, зайду как-нибудь. Таня, вы как?

Неожиданно девушка смутилась, опустила глаза.

– Боюсь, у меня не получится идти. У меня тут встреча с человеком должна состояться, где-то через час.

– Этот человек какого пола? Женского или мужского? – поинтересовался я.

– Мужского. Его Павел зовут, – Таня резко выпрямилась, посмотрела с вызовом.

– Если вы сейчас идете, то я могу вас немного проводить, если нет, то я тогда, наверно, пойду.

– Он сам за мной зайдет. Саша, вы на меня, пожалуйста, не обижайтесь.

– Да я не в обиде, Таня. Всего хорошего.

Девушка и хозяйка комнаты проводили меня виноватыми взглядами.

Выйдя из комнаты, я услышал громкий гомон человеческих голосов, идущий из общей кухни. Судя по обрывкам фраз, там собралось все население квартиры, которое довольно живо обсуждало только что произошедшие события. Не успел я пройти половину коридора, как одна из дверей неожиданно открылась и на пороге показалась та самая, приятного вида, местная

активистка. Она сделала чисто женское мягкое движение, высокая грудь пошла вперед, натягивая ткань, и одновременно полы халата снизу разошлись, отдавая на рассмотрение, начиная от середины бедра, стройную женскую ножку. Стоило нашим взглядам встретиться, как в глазах женщины я увидел озорных чертиков, отплясывающих сексуально зажигательный танец.

– Вы торопитесь, мужчина?

Против такого натиска я не мог устоять, а если говорить честно, даже не пытался.

– Уже нет, прелестная незнакомка. Боюсь показаться невежливым, но может, вы меня пригласите в гости?

Уже закрывая за собой дверь, я успел услышать чей-то женский голос, в котором прямо звучала неприкрытая зависть:

– Вот же Машка-стерва!

Глава 3

Историческая справка

Через шестнадцать лет после смерти Якова Свердлова, в 1935 году, сотрудники Кремля, занимавшиеся очередной инвентаризацией, обнаружили несгораемый шкаф, некогда стоявший в кабинете председателя Всероссийского ЦИКа. В свое время его не смогли открыть, но на этот раз для вскрытия сейфа вызвали специалистов. О богатстве одного из лидеров большевиков сегодня известно благодаря сохранившейся записке наркома внутренних дел Генриха Ягоды на имя Иосифа Сталина от 27 июля 1935 года. Согласно этому документу, в сейфе Свердлова были обнаружены золотые монеты царской чеканки на сумму 108 525 рублей, 705 экземпляров ювелирных изделий, кредитные билеты на 750 тысяч рублей, а также чистые бланки паспортов царского образца и несколько паспортов на различные имена (в том числе и на имя самого Свердлова). Нетрудно было понять, что в 1919 году у большевиков было довольно шаткое положение, поэтому награбленные председателем Всероссийского ЦИКа богатства, лежавшие в его сейфе, были приготовлены на случай бегства.

Наша встреча была назначена на Патриарших прудах, в одном из знаковых мест Москвы. К назначенной точке встречи мы подошли почти одновременно, только еще на подходе к месту я стал присматриваться к гуляющей публике. Я специально выбрал рабочий день, поэтому отдыхающего народа было сравнительно немного: мамы с детьми, пожилые люди и молодежь. Не обошлось, правда, без музыкального сопровождения. Мимо меня промаршировал, под громкий стук барабанных палочек, отряд пионеров в голубых майках и красных галстуках.

– Мое почтение, господа, – поздоровался я.

– Добрый день. Здравствуйте, Александр, – поздоровались со мной потенциальные компаньоны.

– Владимир Михайлович, как ваше самочувствие? – сразу поинтересовался я.

– Вашими молитвами, Александр, – усмехнулся Власов, который сейчас выглядел намного бодрее, чем в нашу прошлую встречу. – Если я не ошибаюсь, вы нам что-то хотели предложить?

– Прежде, чем начнем обсуждать какое-то дело, мне бы хотелось сразу вас предупредить, Александр. Если речь идет о каком-то заговоре, то мы, с Владимиром, в такие игры больше не играем, – сухим, не терпящим возражений тоном заявил мне Зворыкин.

– Так это просто здорово, Петр Сергеевич, – искренне обрадовался я. – Мне как раз и нужно, чтобы за вами не было никаких следов, ведущих к какой-нибудь организации или подполью. Я вне политики.

– Обычно так и говорят провокаторы, – усмехнулся Власов. – Нет, по большому счету мы вам верим, Александр. Вы действительно жили в Красноярске, судя по деталям нашего прошлого разговора, да и письмо княгини подлинное. Анастасия Васильевна ручается за то, что это ее рука. Вот только за последние годы мы привыкли быть осторожными, а вас я вижу лишь второй раз в своей жизни.

– Понимаю, Владимир Михайлович, поэтому мы поступим так. Я изложу вам суть дела, но без подробностей, а вы уже сами решите, подойдет это вам или нет. Только перед этим ответьте мне на пару вопросов. Хорошо?

– Что ж, давайте, попробуем, – сказал Власов.

– Скажу сразу: я не собираюсь здесь оставаться и спустя какое-то время уеду в Европу. Как вы, господа, собираетесь устраивать свою жизнь в ближайшие годы?

– В отличие от вас, у меня нет желания покидать Россию. У меня была возможность уехать, но раз я этого не сделал тогда, так почему должен уезжать сейчас? Да и подобных мыслей у меня никогда не было, – ответ Зворыкина прозвучал довольно резко.

– Скажу прямо: у меня есть печальный опыт жизни на чужбине, и я не хотел бы его снова повторить, – ответил мне на мой вопрос Владимир. – Вот только есть и обратная сторона: здесь я тоже никому не нужен, а для кое-кого даже опасен. Понимаю, что не ответил на ваш вопрос, но у меня нет пока другого ответа.

– Понял вас, господа. Теперь скажите мне, вам нужны деньги?

– Что за вопрос? Конечно, нужны, – ухмыльнулся Власов. – У меня от обедов в рабочей столовой скоро заворот кишок будет, поэтому скажу кратко: чем больше, тем лучше.

– То, что вы хотите нам предложить, как-то может задеть честь офицера и дворянина? – настороженно спросил меня Зворыкин.

Я предполагал подобный вопрос, поэтому у меня был готовый ответ.

– Сейчас вы сами себе на него ответите. Нам надо будет забрать с одного склада сейф, отвезти в тихое место, затем вскрыть и поделить содержимое, между нами.

– Со склада? – сейчас в тоне бывшего царского офицера звучали презрительные нотки. – Я вас правильно понял?

– Именно так, Владимир Михайлович. Никому не нужный сейф стоит на складе.

– И что в этом сейфе? – спросил Петр Сергеевич.

– Он битком набит золотом и ювелирными украшениями, которые в свое время украли большевики. Все делим поровну. Так как, вам интересно мое предложение?

– Интересно, – сразу согласился Власов. – Мне интересно.

– Если все так, как вы мне говорите, я бы тоже принял в этом участие, – осторожно подтвердил свое согласие Зворыкин.

– Раз так, тогда мы сразу перейдем к деталям. Скажите, ни у кого из вас не имеется знакомых в Кремле?

– Смеетесь? – усмехнулся Власов. – Мы с большевиками всегда были по разные стороны баррикад.

– Меня интересуют не кремлевские властители, а те, кто работает на них. Обслуживающий персонал. Комендантская рота. Гараж. Подумайте, покопайтесь в памяти. Может, кто-то и найдется.

– Сейф, значит, в Кремле? – уточнил Власов.

– Именно так.

– Как его с таким содержимым поместили на склад? – поинтересовался Зворыкин.

– Об этом и всем остальном мы поговорим позже, – усмехнулся я.

– А открыть его там и просто вынести золото, никак нельзя? – поинтересовался Владимир.

– Ключ от него утерян и замок, как я понимаю, сложный, раз его сразу не могли вскрыть. Именно поэтому его оттащили на склад, а со временем о нем просто забыли.

– То есть вы сами точно ничего не знаете? Только с чьих-то слов?

– Это не слова, Петр Сергеевич. Есть официальный документ, но, к сожалению, я не могу его вам предъявить.

– То, что вы сказали, Александр, звучит довольно заманчиво, но при этом, как оказалось, ничем не подтверждено. Я прав? – подвел свой итог Зворыкин.

– Правы, Петр Сергеевич. Вы можете рассчитывать только на мое честное слово.

– Извините, Александр, но у меня нет привычки просто так верить на слово малознакомому человеку.

– Именно поэтому я и спрашивал про возможных знакомых в Кремле. Нам для начала только и надо, чтобы найти человека, у которого есть возможность посмотреть списки вещей, лежащих на складах, и подтвердить наличие такого сейфа. Думаю, когда вы убедитесь в его наличии, вы по-другому начнете смотреть на это дело.

– Пусть так, мы найдем нужного нам человека, но он за бесплатно работать не будет. Да и вообще это дело потребует определенных расходов! Сейф надо будет вывезти, затем потребуются специалист, чтобы его вскрыть. На это все нужны деньги! И думаю, немалые!

– Не волнуйтесь, Петр Сергеевич, у меня такие деньги есть, – успокоил я въедливого Зворыкина.

– Хотя и авантюрой попахивает, но мне такое дело очень даже по душе, – неожиданно поддержал меня Власов. – Как там, у большевиков: грабь награбленное? Так давайте последуем их лозунгу, господа!

– А вот про себя я такое сказать не могу, – ворчливо возразил ему Зворыкин. – Я двенадцать лет служил закону, поэтому вы меня должны понять, господа.

– Значит, тебе, любезный Петр Сергеевич, нравится сидеть в советской конторе за сорок пять рублей в месяц? – явно с ехидцей спросил своего приятеля Владимир.

– Не нравится, но это не значит, что я должен идти и грабить прохожих в темной подворотне.

– Насколько я могу судить, Петя, ты уже на полпути к семейному счастью. Тогда позволь тебя спросить: каким ты видишь свое будущее?

– Каким я его вижу – мое личное дело! И попрошу тебя впредь не лезть ко мне с подобными бестактными вопросами!

– Ну, извини меня, дружище, – Власов повернул голову ко мне. – У вас, Александр, есть какой-нибудь план?

– Пока нет, но будет обязательно, а пока мне было нужно ваше принципиальное согласие. Я так понимаю, что с вами, Владимир Михайлович, мы договорились.

– С удовольствием поучаствую в этом деле.

– У меня к вам, господа, есть еще один вопрос. Вы не знаете способа, как раздобыть надежный паспорт?

Как ни странно, но на этот вопрос ответил мне Зворыкин:

– Ничего не вижу сложного. В большинстве советских учреждений бюрократия и взятки расцвели пышным цветом. Как мне сказал бывший крестьянин, а ныне советский чиновник: не подмажешь – не поедешь. Городские власти, в том числе в милиции, сделают вам любой документ, только плати. Если хотите, могу вам в этом поспособствовать.

«Значит, границы твоей щепетильности все же есть, – усмехнулся я про себя. – Ловко же ты вписался в советскую систему, уважаемый Петр Сергеевич».

– Был бы вам очень благодарен.

– Я все уточню, а потом вам скажу. А встретимся с вами завтра... Скажем... в двенадцать часов дня, у лавочки, где мы встретились в первый раз.

Я встал.

– Думайте, господа, над моим предложением, думайте. Теперь извините. Мне надо идти.

Придя на встречу первым, я сел на скамейку и, изредка поводя головой по сторонам, перебирал в памяти приятные моменты нашей, затянувшейся до утра, встречи с Машей Осокиной. Бывшая гимназистка, а теперь делопроизводитель в одном советском учреждении, девушка вела свободный образ жизни, который, как она считала, соответствует современной раскрепощенной женщине. Я был не понаслышке знаком с сексуальной политикой большевиков, которые даже такой вопрос сумели поставить с ног на голову.

Войдя в комнату Маши, я быстро огляделся по сторонам. Кровать, платяной шкаф, стол и два стула занимали почти все пространство маленькой комнатки, так что пройти между ними

можно было только боком. На столе стояла открытая бутылка вина и вазочка с конфетами, правда, вместо бокалов стояли стаканы.

– Прошу к столу, – пригласила меня хозяйка комнаты.

Сели, я налил вина в стаканы:

– За нечаянное знакомство?

– Я Маша. А как тебя зовут?

– Саша. За знакомство!

Мы выпили, после чего, кокетливо глядя на меня, девушка спросила:

– Нравлюсь я тебе, Сашенька?

– Нравишься, Машенька, – в тон ей ответил я.

– Хочешь еще вина?

– Я тебя хочу. Иди ко мне, девочка.

Девушка поднялась, обошла стол и послушно уселась своим упругим задом на мои колени. Обняв, я крепко поцеловал ее губы, после чего моя рука пустилась путешествовать по ее обнаженному телу, так как под ее халатом не оказалось никакой одежды. Маша, тесно прижавшись ко мне, не сопротивлялась, только тихонечко постанывала, когда мои пальцы касались ее интимных мест. В какой-то момент она тяжело задышала, а потом тихо сказала:

– Все. Все. Идем.

Еще спустя несколько минут мы оказались в ее кровати. Стоило мне продолжить ласки, как девушка изогнулась и застонала. Для меня это стало сигналом, чтобы приступить к действиям. Мария оказалась весьма чувствительной особой, заводя меня своими криками и стонами, словно пружину, до самого предела. На землю уже упали глубокие сумерки, когда мы наконец оторвались друг от друга.

– Хорошо-то как мне с тобой, Сашенька. Ой, как хорошо, – ворковала, лежа у моего плеча, девушка.

Повернувшись на бок, я посмотрел в разгоряченное лицо Маши и сказал:

– Как ты смотришь на то, чтобы продлить наше знакомство в ресторане?

– Ты приглашаешь меня...

– Приглашаю. Кушать сильно хочется.

– И мне, – хихикнула девушка.

Когда мы шли по коридору к выходу, я подумал, что ее страстные стоны слушала половина населения квартиры, но криков народного гнева, как ни странно, не последовало.

«Видно, народ решил не связываться с хулиганом, которого я столь художественно изобразил», – решил я, тем более что другого варианта как бы и не было.

Случилась, правда, одна неловкость, если ее можно так назвать. Когда мы в одиннадцатом часу вечера выходили из подъезда, то неожиданно наткнулись на возвращающуюся домой Таню с парнем. Увидев нас, девушка сначала обожгла меня презрительным взглядом, а когда я предложил им составить нам компанию, то получил довольно резкий отказ. У ее парня при нашем кратком диалоге сделалось растерянное и злое лицо.

Приятные воспоминания улетучились, стоило мне увидеть идущего по бульвару Зворыкина, но что мне сразу не понравилось, так его лицо, которое просто излучало тревогу.

– Добрый день, Петр Сергеевич. У вас что-то случилось?

– Здравствуйте, Александр. Заметили? – он криво усмехнулся. – Видно, я здорово разволновался, раз вы сумели что-то прочесть на моем лице.

– Так что все же случилось?

– У меня сегодня появилось ощущение, что за мной следят. Это никак не может быть связано с вами?

– Не думаю. Я всего лишь три дня как в Москве, поэтому вряд ли смог привлечь внимание кого-либо.

– Будем надеяться, что во всем виновата моя излишняя подозрительность. Вернемся к вашему вопросу. У вас есть хоть какой-то документ, удостоверяющий вашу личность?

– Чужая трудовая книжка и нансеновский паспорт.

– Нет, это все не подойдет. Был бы у вас такой документ, новый паспорт обошелся бы вам в семьдесят рублей, а без документа будет стоить сто пятьдесят, правда обещали сделать в течение двух дней. Так как?

– Вот, держите, – я достал из кармана деньги и бумагу, на которой были написаны мои данные. Зворыкин пробежал глазами по бумаге, потом сложил лист вчетверо и аккуратно, вместе с деньгами, засунул в карман.

– Я смотрю, в Советской России все продается и покупается.

– Не все, но многое. Были бы деньги. Люди говорят, что это НЭП разлагает, только черта с два! Пролетарии, которые стоят у власти, уже сейчас хотят жить при коммунизме, а ведь кругом столько соблазнов: рестораны, казино, бордели. Вот только с зарплатой в пятьдесят-шестьдесят рублей в них не сунешься, поэтому те из них, кто заполучил хлебную должность, считают: раз появилась возможность, то гребни деньги лопатой и живи красивой жизнью. Причем это касается не только чиновников, но и милиции, а возможно, и чекисты подвержены этому тлетворному влиянию. Знаете, среди нэпманов даже шутка такая ходит, что отличие между пролетарским судом и ревтрибуналом определяется только разницей в цене. Что? Не поняли? Чтобы вас не расстреляли, надо занести им намного больше денег.

– Да понял я, понял.

– Значит, с паспортом мы все решили. Теперь насчет Кремля. Сегодня с утра я съездил к одному своему хорошему знакомому. Думаю, посоветуюсь с ним, и знаете что? Он сумел меня весьма порадовать. Может, вам приходилось слышать о большевистской организации под названием «Пролеткульт»?

– Не только слышать. У меня было довольно плотное знакомство с представительницей из этой самой организации.

Зворыкин сразу понял, что я хотел сказать, поэтому усмехнулся:

– Плотное? Ну-ну. Так я продолжу. Сей товарищ, по имени Николенька Сухин, меня и надоумил. Есть у них отдел охраны памятников, так вот при нем сейчас образовалась новая контора – государственные центральные реставрационные мастерские. Так вот у них в планах есть проведение реставрационных работ в Кремле, причем в этом году. Как вам?

– У меня нет слов, Петр Сергеевич. За такое короткое время вы проделали просто огромную работу, – польстил я Зворыкину. – Так он нам поможет?

Тому мои слова явно пришлись по душе, даже строгое выражение лица как-то смягчилось.

– Думаю, он не откажет в моей просьбе и поможет получить для нас пропуски в Кремль.

– Значит, мы станем реставраторами?

– Точно не скажу. Так как структура новая, только-только образовалась, а судя по словам Сухина, они пока сами толком ничего не знают. Официально у них есть только начальник, который дал вышестоящему руководству на утверждение перечень будущих работ. После согласования и утверждения в различных инстанциях...

– Извините, что перебиваю вас, Петр Сергеевич, но я человек дела. Что от меня требуется?

– Сухин сказал, что за четыреста рублей в течение недели он все устроит. Исходя из его слов, он, скажем так, поможет нам устроиться на работу в эти самые мастерские, а также постарается поспособствовать получению пропусков в Кремль. Как он мне сказал: даст нам выход на нужного человечка.

– Не обманет?

– Не рискнет.

– Один из ваших бывших подопечных? – догадался я.

– Можно сказать и так. За двенадцать лет службы в полиции меня судьба сводила с разными преступниками. Сухин – аферист. Ох, и ловок был, шельма. Такие аферы крутил, аж дух захватывало, а сейчас устроился у большевиков, даже в начальники выбился.

– Вы, я так думаю, следователем были?

– Эко какой вы любознательный, Александр, – в голосе Зворыкина сейчас слышалось недовольство, чувствовалось, что ему неприятен этот разговор. – Да, был следователем, а последние три года – важняком.

– Это следователь по особо важным делам. Я прав?

– Правы, – сухо ответил он. – Так что, договариваться с ним?

– Конечно. А на какой срок мы получим пропуска?

– Запрос напишет на две недели, но при этом обещает организовать письменное ходатайство от высшего руководства.

– Сейчас у меня с собой таких денег нет, поэтому давайте встретимся сегодня еще раз, вечером. Вы не против?

В следующее мгновение в поле моего зрения попали два подозрительных типа, направлявшихся к нам.

«Воры или бандиты. Похоже, Петя, у тебя нет паранойи».

Зворыкин замялся:

– Сегодня... Нет, наверно. Давайте лучше завтра, в это же время.

– Договорились.

Я встал, за мной поднялся Зворыкин. Приподняв шляпу, я тихо, почти шёпотом, сказал:

– Не оборачивайтесь, к нам идут двое мужчин. Делаем вид, что прощаемся.

– Так что, Петр Сергеевич, заглянете к нам на вечерок? – уже громко спросил я его. – Думаю, в эту субботу будет в самый раз. Возьмете свою любезнейшую...

– Боюсь, что у бывшего господина следователя не будет возможности это сделать! – резко ворвался в наш разговор подошедший к нам мужчина в шляпе и костюме от портного. – А вы, милейший, идите. Вас наш разговор не касается.

Быстро окинул его взглядом. Хорошо одетый мужчина, лет сорока пяти, с интеллигентным, тонким лицом, которое портили узкие губы и холодный, как у змеи, взгляд. За его спиной встал широкоплечий и кряжистый мужик в косоворотке и пиджаке.

Зворыкин резко развернулся на голос и, увидев стоящего перед ним человека, сразу побледнел, словно свою смерть увидел:

– Ты?! Как?..

– С того света вернулся, Петя. Должок у меня остался, вот и пришел тебе его вернуть.

Стоявший за его спиной бандит громко усмехнулся.

– Александр, действительно, вы идите, – чуть повернув голову в мою сторону, сказал Зворыкин. – И пожалуйста, предупредите Анастасию Васильевну. С богом!

Я принял испуганный вид:

– Так я пойду, господа?

– Ишь как напужался, – с кривой усмешкой прокомментировал мои слова громила. – Разрешение спрашивает.

– Да иди уж, иди, – брезгливо махнул в мою сторону рукой фронт.

В следующее мгновение его рука, подчиняясь чужой воле, ушла за спину, затем последовал резкий рывок вверх. Бандит, почувствовав острую боль, только раскрыл рот, как выверенный удар по шее отправил его в беспамятство. Второй головорез не сумел сразу среагировать на изменение обстановки и тем самым подарил мне несколько секунд форы. Его рука, откинув полу пиджака, только нырнула за спину, чтобы выхватить оружие, как ему в лицо уже смотрел ствол браунинга.

– Давай, рискни, – нагло ухмыльнулся я, подталкивая его к действию. Здоровяк хищно оскалится, но стоило ему наткнуться на мой взгляд, как понял, дергаться не стоит, этот выстрелит. Осторожно опустил руку и замер, не сводя с меня бешеного взгляда.

– Это ты зря, – попенял я бандита. – А мне так хотелось тебя пристрелить.

– Ниче, сука рваная, мы еще встретимся, – пообещал он мне.

– Мне бы твою уверенность, – усмехнулся я, а затем спросил Петра Сергеевича: – И что дальше?

– Сдадим их милиции.

– Вы уверены?

Заминка в несколько секунд и брошенный взгляд на тело, лежащее на земле, говорили о том, что он ни в чем не уверен, но при этом поднял на меня глаза и сказал:

– Уверен! Все должно быть сделано по закону.

В следующее мгновение он быстро шагнул к стоящему бандиту, затем неожиданно и резко рубанул его ребром ладони по шее. Громила на секунду замер, потом закатил глаза и, как бревно, грохнулся на землю. Удар у бывшего следователя был явно отработан, причем на практике.

– Ого! Как вы умеете! – восхитился я.

– Знаете ли, я не только за столом сидел да бумажки перекладывал, – в его голосе чувствовалось ехидство. – Мне и на задержаниях приходилось часто бывать, а там всякое случалось.

– Я понял. Вот только сдавать вам этих уродов придется самому. Надеюсь, тут вам ничего объяснять не надо? – и я спрятал браунинг в карман.

– Не надо. Встретимся завтра у галереи, в одиннадцать.

– Караул!! – в следующее мгновение я уже орал во весь голос. – Милиция!! Грабят!!

Почти сразу в ответ где-то в начале аллеи раздалась трель милицейского свистка. Я подмигнул ошарашенному моей мальчишеской выходкой Зворыкину, а затем быстрым шагом пошел в противоположную сторону от той, где раздавались свистки. Свернув с аллеи, вышел на шумную, оживленную улицу и почти сразу затерялся в толпе. Правда, при этом чисто автоматически какое-то время покружил по городу, проверяясь.

На следующий день, после плотного завтрака в трактире, купил у мальчишки-разносчика газету «Вечерняя Москва», где в колонке криминальных новостей нашел статью о странном происшествии на бульваре. По словам репортера, который разговаривал с непосредственными свидетелями (наглое вранье!), двое матерых уголовников решили ограбить граждан приличного вида, которые отдыхали, сидя на скамейке. Вот только бандитам не повезло, так как один из двух людей оказался Зворыкиным Петром Сергеевичем, бывшим царским следователем. Далее было написано, что в свое время он проникся светлой идеей мирового коммунизма и перешел на сторону революционного пролетариата, а теперь работает юристом в советском учреждении. Именно он, не побоявшись, скрутил бандитов и передал их в руки сотрудников рабоче-крестьянской милиции. Далее репортер писал о сознательности и гражданском долге, о том, что люди не должны прятаться по углам, а давать жесткий отпор уголовной швали.

«Даже здесь, в криминальной колонке, нет никакой конкретики, зато политики накрутили – будь здоров».

Выкинув газету в урну, я отправился на встречу.

Встретились мы со Зворыкиным и Власовым у картинной галереи. У меня даже сомнений не было, что после вчерашних событий Власов придет вместе со своим старым другом. Если у Владимира был цветущий вид довольного жизнью человека, то Петр Сергеевич, судя по сердитому выражению лица, даже не скрывал того, что был зол на весь мир.

– Здравствуйте, господа. Как все прошло, Петр Сергеевич?

– Да это просто безобразие! – бывший следователь расстроено махнул рукой. – Эта их народная милиция – просто насмешка какая-то над законом!

– Расскажите. Мне же интересно, как участнику событий, чем все закончилось.

– Не надо было слушать Петра, а расстрелять их там же, на месте! – неожиданно и резко высказался на эту тему Власов. – Мы таких сволочей без всяких разговоров к стенке ставили.

«Недавно совсем скучный был, а тут смотри, ожил. Интересно, где и кого он там к стенке ставил?»

– Владимир, думай, когда говоришь, – и Зворыкин бросил настороженный взгляд по сторонам.

– Что я такого сказал? Да тебе ли не знать, что у нас в России каждый пятый человек ставил кого-то к стенке. Так что не надо мне рот затыкать, Петр.

Зворыкин резко махнул рукой, этот жест явно говорил, что горбатого только могила исправит, потом повернулся ко мне и сказал:

– Хочу искренне поблагодарить вас, Александр! Вы спасли мне жизнь. Теперь я ваш должник и всегда это буду помнить.

– Давайте оставим это, Петр Сергеевич! Вы лучше расскажите, что там у вас было с милицией.

– Что там может быть! Привели нас всех в отделение, а там сидит молодой деревенский лапоть, изображая с умным видом дежурного следователя. Выслушав меня с деревянным лицом, он вместо того, чтобы задавать вопросы по делу, спросил меня: служил ли я в царской охранке? Я ему объяснил, что чист перед советской властью, что был следователем по уголовным делам и боролся с преступностью. И что бы вы думали? Он мне не поверил! Он заявил, что я «бывший», а значит, классовый враг, который пытается запутать следы, а гражданин Чернов, пусть и преступник, но близкий пролетариату по духу человек, так как мучился в тюрьмах еще при царе. Причем этот никчемный дурак нагло заявил, что раз я его сажал во времена гнилого царизма, то это говорит о том, что у меня к гражданину Чернову личная неприязнь, и я его оговариваю. Меня просто оторопь взяла, а эта сволочь Черный прямо закатывается от хохота. Представляете этот спектакль, господа?! Тогда я заявил, что хочу переговорить с его начальством, а он мне в ответ пригрозил тюрьмой. В общем, я все же добился своего: пришел мужчина в возрасте и представился старшим оперуполномоченным Варенцовым. Мне пришлось снова объяснять суть того, что произошло, и рассказать ему, что собой представляет бандит и убийца Сашка Черный. Стоило тому услышать, кого взяли, как этот пролетарский милиционер сразу схватился за телефон, а еще спустя пару минут в кабинет влетели оперативники и забрали Черного с подельником. Затем Варенцов меня с полчаса расспрашивал о прежних делах Черного, а потом сам поделился недавними «подвигами» бандита. Как оказалось, на счету у Черного только за последние три недели два налета с трупами, два из которых – сторож и милиционер. Знаете, что самое обидное во всей этой дурацкой комедии, так это то, что меня как бы признали своим и даже пару раз назвали товарищем.

– Да кто он этот Черный? – нетерпеливо поинтересовался я тем, что меня заботило больше всего.

– Первейшая сволочь, грабитель и убийца. Александр Андреевич Чернов-Бельский. Потомственный дворянин из хорошей семьи. Впервые убил человека в девятнадцать лет. Тогда Сашка проигрался в карты и вместо того, чтобы отдать долг, зарезал этого человека. За ним еще в мое время было два срока и семь трупов, и я просто думать боюсь, что эта тварь натворила за все эти годы, полные беззакония. Вот второго бандита мне никогда раньше видеть не доводилось, хотя, скорее всего, он уже проходил по делам. Кличка Лом. Как мне сказал товарищ Варенцов, им недолго жить осталось. Как только в милиции окончательно убедятся, что это те самые бандиты, их сразу к стенке поставят. Вот и вся история.

– Так это же хорошо?

– Просто отлично, – сразу повеселел Зворыкин. – Теперь я хочу сказать вам, Александр, что вы меня несказанно удивили. Я вас совсем по-другому представлял. Сначала как шустрого и наглого дельца, всплывшего на мутной волне. После того, как вы предложили нам... дело, то я заподозрил вас в связи с криминальным миром, а сейчас даже не знаю, что о вас думать. Вы настолько ловко сыграли роль труса, что даже я в тот момент вам поверил, а вы, оказывается, играли с ними, как кот с мышами, готовый их убить в любой момент, хотя никогда их до этого не видели. Такое хладнокровие я редко у кого видел. Отсюда можно сделать вывод: хотя вы очень молоды, но при этом очень опасны.

– Скажу вам так, Петр Сергеевич: *A la guerre comme à la guerre, messieurs.*

– Знаете французский? – удивился Власов. – На войне как на войне. А знаете, господа, благодаря этой фразе мне только что в голову пришла мысль, что все мы так и не вышли из состояния войны. Скрываемся, прячемся, ждем удара в спину. Казалось бы, живешь на родине, а чувство такое, что ты здесь чужой. Ты как, Петр?

– Я русский человек и, надеюсь, всегда им останусь. У меня есть только одна родина – Россия. Здесь я родился, здесь и умру. При этом врать не буду, душа у меня, как у любого честного человека, болит за все то, что сейчас делается в стране. Все, что было с такими большими трудами создано, большевики развалили и разграбили. Сейчас, правда, они в ум приходиться стали, специалистов на работу приглашать, торговлю наладили, промышленность поднимать стали. Вот только надолго ли? Ладно, наши переживания Александру не интересны, – Зворыкин снова повернул голову ко мне. – А французский язык у вас и правда хорош, только немного не так ставите фразы. И последнее. Помните, вы всегда можете на меня рассчитывать, Александр!

– Даже если мы пойдем грабить прохожих в темную подворотню?

Прятели весело рассмеялись. Было похоже, что они приняли меня в свою компанию.

– Вот и отлично, господа. Значит, у нас с вами остаются прежние отношения и договоренности, – я достал из кармана пачку денег и протянул Зворыкину. – Это вам для Николеньки.

Глава 4

Над массивным столом с резными ножками висел большой портрет Ленина. Впрочем, в этом кабинете вся мебель была большая и массивная. Кресло хозяина кабинета, большой кожаный диван, тяжелые стулья, массивная медная чернильница с львами. В его понимании все это должно было говорить о солидности и значимости его, как человека, занимающего ответственную должность, а вот пепельница, сделанная из гильзы артиллерийского снаряда, наоборот, должна была подчеркнуть пролетарское происхождение, показать его как выходца из народа, который на фронтах гражданской войны боролся за народное счастье.

Затянувшись в последний раз, начальник секретно-оперативного отдела затушил папиросу в пепельнице, после чего бросил недовольный взгляд на своего заместителя. Был конец рабочего дня, он чертовски устал, к тому же он не вызывал его, а значит, Семен Давиденко пришел к нему с каким-то делом.

«Надеюсь, это не очередной донос...» – недовольно подумал начальник.

– Товарищ начальник...

Хозяин кабинета барственно махнул рукой, дескать, не выделяйся, а говори как есть.

– Клим Маркович, сегодня мною были получены довольно интересные сведения. В Москве, прямо сейчас, находится наследница одного очень богатого человека. Судя по тем сведениям, что я успел получить, купцы Заварзины до революции входили в список самых богатых людей. Один из них, Николай Васильевич Заварзин, постоянно жил за границей и, судя по некоторым сведениям, за последние годы сумел составить себе приличный капитал. Если сам Николай Заварзин все это время жил там, то его сын принял наши идеи и остался в России. Женился, появился ребенок. Девочка. Потом они с женой умерли от испанки, а ребенок каким-то образом выжил. Как его нашли, тоже неясно, но суть не в этом. Эта девочка сейчас здесь в Москве, и ее дед, Николай Заварзин, чтобы вернуть себе внучку, согласен выложить за нее большие деньги.

– Откуда сведения?

– Есть у меня один полячишка в их посольстве. Полгода тому назад я его крепко посадил на крючок. Любитель малолеток испугался скандала и подписал бумагу о сотрудничестве. Это он мне о девчонке рассказал.

– И зачем ты мне все это рассказываешь, Давиденко? – лениво поинтересовался хозяин кабинета, хотя уже прекрасно знал, о чем дальше пойдет речь. Просто у него была такая манера вести беседу. Всю инициативу разговора он предпочитал отдавать сотруднику, заставляя его строить и развивать планы, но при этом, даже при одобрении начальника, вся вина, если что-то шло не так, ложилась на этого инициативного сотрудника. Сам предложил, сам провалил, а раз так – получи заслуженное наказание. Давиденко прекрасно знал о такой манере разговора своего начальника, поэтому продолжил излагать свой план.

– Поляки оформили официальные документы на девчонку и готовы вывезти ее за границу, причем не просто так, а за хорошие деньги. Нам, собственно, и делать ничего не надо, только взять у них девчонку, а затем вернуть старому буржую.

– А твой агент, он с какого боку к этому делу причастен?

– Так это он занимался для нее оформлением документов.

– Она сейчас живет при посольстве?

– Нет. Мой агент сказал, что для нее сняли квартиру, – и, предваряя вопрос своего начальника, добавил: – Никаких проблем с польским представительством у нас не будет. Возвращением внучки занимаются совсем другие люди. Думаю, что это агенты польской разведки.

– Даже так? Хм. Думаю, если пшечки подрядились на эту работу, то сумма, действительно, должна быть приличной.

Давиденко понял, что его начальник уже начал склоняться к задуманной им операции, поэтому решил подтолкнуть его к быстрейшему принятию решения.

– Поляк согласен нам рассказать все о ней, только это надо сделать как можно быстрее. Билеты куплены, и через два дня ее увезут.

– Что он за это хочет?

– Хочет вернуть себе подписанную им бумагу о сотрудничестве.

– Так пригрози ему этой бумагой.

– Пробовал, но он уперся, причем сказал, что его собираются отозвать в Польшу, после чего он собирается уйти из дипломатов и пойти по торговой линии.

– Врет, небось?

– Насчет торговли, может, и врет, но при этом чувствую, что от своего решения не отступит и пойдет до конца.

– Он ценный агент?

– Не особенно, но кое-какую информацию мы от него имели.

– Сколько лет девчонке?

– Десять.

– По твоим словам все просто получается, а как на деле будет выглядеть?

– Всего, Клим Маркович, не угадаешь. Каждый раз, когда планы строишь, думаешь, что все предугадал, а выходит....

– Так что ты предлагаешь?!

– Взять девчонку и определить на квартиру к Катьке, затем послать человека к ее деду и озвучить сумму, после чего получить деньги и отдать ему внучку. Обмен можно произвести прямо на границе.

Хозяин кабинета достал из коробки папиросу, прикурил, затянулся, думая о том, что дело, в принципе, несложное. Только и надо, что убрать из игры поляков, а в качестве продавца выступить самим.

– Какую сумму можно запросить?

– Поинтересовался этим вопросом. Полячишка полагает, что с деда можно затребовать сумму в сто пятьдесят – двести тысяч рублей.

– Солидно. К тому же хорошее дело делаем: поможем родственникам воссоединиться. Даю добро. Кого собираешься привлечь?

– Есть у меня два подлых человечка, бывшие анархисты. Проверены делом.

– Говоришь, подлые... Значит, ненадежные. Лишнее могут сказать. Понимаешь?

– Понял. Обрубим все ниточки. Так договариваться мне со Стефаном Подляским, Клим Маркович?

– Договаривайся. Но смотри, Семен! Все на тебе! Если что пойдет не так – у меня разговор короткий!

– Не сомневайтесь, сделаем все аккуратненько, Клим Маркович.

Отдел Культпросвета по выдаче разрешений и оформлению соответствующих бумаг находился в старом особняке, вместе с кучей контор и учреждений. По обе стороны от входа висело одиннадцать табличек с их названиями. Войдя в просторный вестибюль, мы сразу были остановлены пожилым вахтером в синей косоворотке, в галифе и сапогах. Встав из-за стола, стоявшего прямо у входа, он автоматически провел рукой по пышным буденновским усам и сразу поинтересовался:

– Вы куды направляетесь, граждане-товарищи?

– Нам нужен Разрешительный отдел Пролеткульта, – ответил ему Зворыкин.

– Вас там ждут? – снова поинтересовался дед.

– Нам назначено, – сухо и официально ответил ему Петр Сергеевич.

– Раз так, то вы должны зафиксировать в дежурном журнале цель своего визита! Подойдите к столу, граждане!

Было видно, он произносил эти слова сотни раз, так выпалил эти фразы автоматически, на едином дыхании. Мы подошли к столу, где кроме стопки газет лежал «журнал посещений» и стояла чернильница с ручкой. Нацепив очки, он открыл журнал и начал заполнять графы, предварительно спрашивая нас: кто мы и зачем пришли. После того, как мы расписались, вахтер отпустил нас. Поднявшись на третий этаж, я сразу отметил висящий на стене большой плакат, где снизу крупными буквами было написано «Смерть взятке!». На нем мужик с мечом рубил взяточнику руку, которую тот протянул за деньгами. Пробежал глазами по строчке над рисунком: «Кто сейчас самый грозный враг революции? – Взятчик!»

– Смотрите, Петр Сергеевич, – и я кивком головы указал на плакат.

– Ну-ну. Подобного лихоимства советской бюрократии даже царские чиновники не знали, а большевики вместо того, чтобы бороться с корыстолюбием, вот такие плакатики рисуют, – осуждающе, но очень тихо произнес Зворыкин, а еще спустя минуту мы подошли к двери, на которой была приколочена фанерная табличка с надписью: «Разрешительный отдел. Управляющий делами т. Смирнов И. А.»

Первое, что я увидел, когда мы перешагнули через порог, это была большая лысина, окруженная венчиком волос, склонившегося над столом человека. Над ним висел портрет Ленина. Управляющий делами то ли делал вид, что изучает бумагу, то ли действительно читал что-то интересное, но головы так и не поднял. Чтобы привлечь его внимание, я резко, со стуком, хлопнул дверью. Голова резко дернулась вверх, и мы увидели (это был колобок, в моем понимании) совершенно круглую физиономию с маленькими, близко посаженными к носу, глазами. Хозяин кабинета хитро прищурил глаза и спросил:

– Здравствуйте, товарищи. Вы по какому делу пришли?

– Здравствуйте, товарищ Смирнов. Позвольте представиться. Зворыкин Петр Сергеевич, историк-реставратор, а это мой помощник Александр. Мы представляем новую организацию – государственные центральные реставрационные мастерские. Причина, по которой мы здесь находимся, Иван Авдеевич, лежит на вашем столе. Там, в сопровождающем письме, отосланном на ваше имя, все должно быть указано.

Голова товарища Смирнова снова склонилась над столом, раздалось шуршание бумаг.

– Да, есть такая заявка. Все правильно, – после подробного изучения документа хозяин кабинета поднял голову. – Я так понимаю, что у вас есть соответствующие бумаги, которые подтвердят ваши полномочия.

– Конечно. Возьмите, товарищ.

Зворыкин подошел к столу и подал документы, которыми нас снабдил Николай Сухин. Хозяин кабинета стал внимательно просматривать бумаги, а я в это время рассматривал кабинет. Стол, заваленный бумагами. Шкаф, в котором можно видеть, через полуоткрытые створки, полки, полностью забитые папками. Три стула, стоящие в ряд, для посетителей, которые нам так и не были предложены.

«Видно, мы не так ему представились».

– Все вроде соответствует, и печати, подписи. Да, здесь все правильно. Исходя из полученных мною документов, я так понимаю, вам надо попасть в Кремль, чтобы осмотреть исторические здания и решить все вопросы, связанные с их ремонтом. Все это хорошо, вот только у нас оттуда нет запроса соответствующих органов, а значит, получается, что теперь на меня ложится ответственность за принятие такого ответственного решения. Понимаете, товарищи?

«Что тут понимать? Взятку нагло требуешь! Дать бы тебе в рожу...» – мои мысли прервал голос Зворыкина:

– Вы, кажется, не поняли, товарищ, сути нашей работы. Мы реставраторы! Мы занимаемся восстановлением памятников старины. В Кремле находится много старинных зданий

постройки тринадцатого-пятнадцатого веков, которые в данный момент находятся в очень плохом состоянии. Их надо тщательнейшим образом осмотреть, определить приблизительную стоимость ремонтных работ, а затем заняться их реставрацией.

– Да все я понимаю! – разозлился хозяин кабинета, начиная догадываться, что эти люди не собираются ему платить. – Ежели они такие ветхие, так надо снести их к чертовой матери! Чего с ними возиться! Зачем нам на это старье деньги тратить! А потому не вижу смысла выдавать разрешения на подобные работы!

«Ну, погоди, мразь!»

– Теперь, товарищ Смирнов, представьте себе такую картину: идет по двору Кремля ответственный товарищ с государственного совещания, а ему на голову падает кирпич. Бац! – и он умер! А упал он по одной простой причине: здание ветхое. Как ОГПУ отнесется к смерти коммуниста, занимающего высокий пост? А ведь такие ответственные товарищи в Кремле каждый день туда-сюда ходят! Вы следите за моей мыслью, товарищ Смирнов? – Судя по тому, как красные щеки хозяина кабинета побледнели, и он мелко и нервно затряс головой в знак согласия, мои слова его проняли. – Так вот, начнут соответствующие товарищи это дело расследовать и думать: это покушение на убийство ответственного работника или безответственные действия соответствующих организаций, которые это допустили? Сначала они, естественно, спросят с нас, людей, которые занимаются ремонтом и реставрацией исторических зданий. Спросят: почему вы такие-сякие вовремя не произвели соответствующие работы, раз у вас это есть в плане? Мы им в ответ честно скажем, что собирались реставрировать старые здания, но на эти работы был наложен запрет. И документики соответствующие покажем, за вашим отказом и вашей подписью. Причем все это, товарищ Смирнов, я говорю не с целью вас запугать, а показать суть нашей работы.

– Признаю, что не учел сразу всей ценности вашей работы, товарищи! – сразу дал назад советский чиновник. – Действительно, Кремль – это объект особой государственной важности, и он должен соответствовать нашим лучшим людям, которым советский народ доверил руль управления советским государством! Вы правильно сделали, что осветили свою деятельность с нужной стороны и указали мне на мою ошибку, а потому мне стала понятна ваша работа, а также ваша забота о здоровье и жизни советских граждан. Осознав ваши законные требования, я прямо сегодня выпишу требования на ваши пропуска. Сколько времени вам нужно на осмотр?

– Недели две понадобится для того, чтобы определить участки работ, требующие ремонта в первую очередь, ну и составить приблизительную смету.

– Вашим вопросом, товарищи, я займусь прямо сейчас, а пока ваши документы останутся у меня. Загляните ко мне в пятницу. Прямо с утра, к часам десяти.

– Спасибо, товарищ Смирнов.

– Не за что, товарищи. Мы одно дело делаем.

Мы вышли на улицу. Зворыкин внимательно посмотрел на меня, словно видел впервые, потом сказал:

– Вы меня, Александр, не перестаете удивлять. Не ожидал, право слово, не ожидал.

Стоило нам получить на руки временные пропуска, как мы со Зворыкиным отправились в Кремль. Хотя у нас был пропуск, выписанный на Власова, его Зворыкин решил пока не брать. Как он с Владимиром решил этот вопрос, я не знал, но мне он объяснил так: пусть побудет в запасе. Уточнять и спрашивать не стал, но, судя по некоторым высказываниям Владимира, мне было понятно, что у того намного более бурное прошлое, чем у его друга. Похоже, тот воевал до самого окончания Гражданской войны, потом перешел границу и жил в эмиграции какое-то время. Было странно только одно: что он после всего этого делает в Москве?

Выданные нам пропуска были действительны в течение двух недель, а как пойдут наши дела – мы не знали, поэтому не стоило терять время. Как мне уже было известно, на всех воротах Кремля стояли КПП с охраной, состоящей из курсантов первых московских пулеметных курсов по подготовке командного состава РККА. Именно на них были возложены задачи охраны и обороны Кремля, а также обеспечения безопасности руководителей государства. Мы подошли к Кремлю со стороны Троицких ворот. Меня удивил состав людей, входящих и выходящих из ворот. Это были мастеровые, домохозяйки, идущие за покупками (это было видно по корзинам), молодежь, матери с детьми. Кто-то из них здоровался, а кто-то просто улыбался молодым парням в наглаженных гимнастерках и начищенных до блеска сапогах, стоявшим на посту с винтовками с примкнутыми штыками. Одни из людей предъявляли удостоверения или бумажные пропуска, другие, как матери или домохозяйки, просто проходили мимо красноармейцев. Мне просто не было известно, что в Кремле в это время проживало около двух тысяч человек, помимо лидеров большевиков. Подойдя, мы направились к будке, стоящей у ворот, чтобы отметить пропуска.

Помкомвзвода, выполняющий обязанности начальника караула, забрал наши бумаги и ушел в будку телефонировать для уточнения, насколько соответствуют наши документы действительности. Так как дверь, по случаю жаркого дня, была открыта, мы слышали, как он произносит наши фамилии и просит их сверить с разрешительным списком. Прошло минут десять, когда он вернулся к нам с уже заверенными пропусками. После того, как мы его поблагодарили, он нам козырнул в ответ. Предъявив пропуска часовому на входе и пройдя под аркой ворот, мы оказались на территории Кремля. Бросив взгляды по сторонам, я сразу подумал, что не так представлял убежище вождей революции. Стоявшая у подъезда одного из зданий группа женщин, судачащих о своих делах, двое рабочих, в спецовках, тащившие куда-то несколько досок, весело галдящая стайка детей, пробежавшая мимо нас. В отличие от обычной городской улицы, здесь не хватало только вывесок и магазинов. Зворыкин, как и я, тоже удивленно оглядывался по сторонам, видно, как и я, он не так представлял жилище большевистских властителей.

– Думаю, нам надо сначала представиться коменданту, который выделит нам человека для осмотра Кремля, – наконец сказал он.

– Раз надо, значит, идем. Только где он сидит? Давай спросим...

– Петр Сергеевич! Вы ли это?! – неожиданно за моей спиной раздался чей-то вскрик. – Ох, радость-то какая!

Я резко обернулся. В нескольких шагах от нас стоял мужчина лет тридцати пяти – сорока, неприметной внешности, но при этом крайне худой. На впалых щеках играл нездоровый румянец. Он был одет в потертый английский военный френч и брюки, заправленные в сапоги. Что самое удивительное, на его лице прямо-таки светилась неподдельная радость.

– Федор Николаевич, здравствуйте! Вот уж не думал вас здесь встретить!

Я мазнул взглядом по сторонам. Так и есть! Нашу бурную встречу уже заметили местные жители.

– Извините, но вы привлекаете излишнее внимание, товарищи. Давайте пойдём в более спокойное место.

Мужчина цепко и быстро оглядел меня, потом кивнул головой:

– Да, вы правы. Идемте со мной.

Спустя пять минут мы оказались в каком-то старинном помещении, но что здесь было раньше – угадать я так и не смог. Толстые, мощные колонны поддерживали низкие своды в виде арок. Небольшие окна пропускали мало света, поэтому здесь всегда царил полумрак. Здесь стояла разнокалиберная мебель, лежали кучами, перевязанные веревками, кипы бумаг, стояли напольные металлические подсвечники. Увидев, что я оглядываюсь по сторонам, Федор объяснил:

– Раньше, при царях, здесь была трапезная слуг, а теперь склад номер четыре. Теперь это мое временное рабочее место. Разбираю все это по мере сил и определяю годность той или иной вещи. Если еще послужит, присваиваю инвентарный номер и заношу в журнал. Да вы не стойте, прошу, садитесь на эту лавку. Мебели здесь много, вот только почти вся она требует ремонта. Извините, что не сразу представился. Федор Николаевич Каргополов.

«Это мы удачно попали, – сразу подумал я, услышав эти слова. – С ходу птицу удачи за хвост ухватили».

– Рад знакомству. Александр. А почему временное? – с ходу поинтересовался я.

– Я здесь у Архипова Ивана Семеновича служу. Он здесь является заместителем коменданта по хозяйственной части. Да не смотрите на меня так. Я здесь мелкий человек. Принеси-подай, разгрузи-погрузи. Когда надо, сижу, бумаги подшиваю, когда надо, по подвалам бегаю, помогаю крыс выводить или, как сейчас, определяю годность сваленной здесь мебели. Как раньше говорили: на все руки мастер. Петр Сергеевич, можно вопрос?

– Да ради бога, Федор Николаевич. Спрашивайте.

– Может, вы в их милицию устроились на службу?

– Как вы могли такое подумать, Федор Николаевич, – с возмущением в голосе открылся Зворыкин. – Я в большевистской милиции?! Это же нонсенс!

На нем явно сказалось недавнее посещение милицейского отделения и общение с сотрудниками, сразу подумал я.

– Извините меня. Я как-то не подумал. Ведь вы всегда были щепетильны в отношении чести, не то что я, – ему видно давно хотелось выговориться, да случая подходящего не было, поэтому его мысли, сомнения и жизненные переживания чуть ли не потоком вылились на нас. Оказалось, что Каргополова со Зворыкиным когда-то связывала общая работа. Федор в свое время служил полицейским агентом, занимавшимся наружным наблюдением, причем был старшим филером, руководившим целой группой.

– Когда этот переворот случился, я растерялся, все никак в себя прийти не мог. Как быть, что делать? Предложения разные поступали от моих бывших коллег, но воевать я не хотел, да и особой приверженности к какой-либо власти у меня не было. Мне моя работа прошлая всегда нравилась, а больше я ничего не умел. Помыкался я какое-то время, а потом пошел в их милицию устраиваться на службу. Сказал им, по незнанию, сдуру, что в сысской полиции служил, так со мной не то что разговаривать не стали, а сразу классовым врагом обозвали и в тюрьму кинули. Меня ведут в камеру, а у меня сердце заходится от страха. Ведь, не ровен час, какой уголовник признает, потому хоть не на виду был, а показания в суде давать приходилось, так что в лицо меня могли знать, а значит, со мной никто церемониться не станет, заточку в бок разом сунут, – и ты на том свете. Вот только попав в камеру, я понял, что все страхи мои оказались напрасными. Ни бандитов, ни воров там не было, за исключением спекулянтов и мелких жуликов, а в основном сидели в тюрьме люди положительные и солидные. Подполковник Сыроедов, мануфактурщик Коробкин, купец Манохин, дьячок церкви Воскресения Саватеев... Весь из себя худой такой, боро денка куцая. Мы с ним все время разговаривали, молились вместе, утешали друг друга, пока его не расстреляли. Не смотрите на меня так и не сомневайтесь в моих словах, я вам правду говорю. Там, в тюрьме, каждый день людей выкликали по списку и уводили на расстрел. Нет, на допросы тоже водили, но там как повезет. Кого обратно притаскивали без сознания, а кого – прямо там к стенке ставили. Первые дни я не мог ни есть, ни спать из-за страха. Как утром дверь камеры откроется, так у меня холодный, почти ледяной пот градом катится по спине. Сердце испуганно бухает в груди, а в ушах звенеть начинает и пальцы начинают дрожать. Уже потом, на четвертый день, после того как огласили список и стало понятно, что меня сегодня не расстреляют, пришло равнодушие. Вокруг меня словно затянуло серой мглой. Люди вокруг, звуки раздаются, а я словно здесь и одновременно

меня нет. Вроде как спрятался, ан нет... – неожиданно Каргополов шмыгнул носом, и его глаза стали мокрыми. – Извините меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.